

А.В.Евглевский, В.К.Кульбака

ГРУНТОВОЙ МОГИЛЬНИК ЗОЛОТООРДЫНСКОГО ВРЕМЕНИ ЛЯПИНСКАЯ БАЛКА ИЗ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО ПРИАЗОВЬЯ¹

В 1987 г. при проведении строительных работ была разрушена часть грунтового могильника, располагавшегося на восточной окраине г. Мариуполя в районе жилого массива “Восточный”. Он занимал уплощенные возвышения двух склонов правой стороны Ляпинской балки, выходящей к побережью Азовского моря (рис.1).

Оперативными спасательными работами археологической экспедиции Мариупольского краеведческого музея под руководством В.К.Кульбаки здесь было выявлено 33 погребения золотоордынского времени (Кульбака В.К., 1999). В 1998 г. на территории могильника были проведены контрольные разведочные работы, в результате которых в западной его части было обнаружено еще 5 погребений того же периода.

Погребение 1 находилось в южной части западной группы могил и было полностью разрушено в процессе строительных работ. Вещи из него (серьга, бусы и зеркало) были переданы строителями в музей².

– Серьга медная, в виде знака вопроса, изготовлена из круглой в сечении проволоки диаметром (далее Ø) 0,1 см, Ø кольца серьги – 2 см, Ø петли – 0,5 см (рис.3, 1).

– Бусы из непрозрачного стекла светло-желтого цвета, рубчатые в плане и овальные в сечении. Всего 11 штук. Ø колеблется в пределах 0,5–0,7 см (рис.3, 2).

– Зеркало из светлой бронзы представляет собой диск Ø 9,5 см с узким бортиком по краю и с шишкой-петлей в центре. Орнаментальное поле занято рельефным изображением геральдических животных в сочетании с растительным орнаментом (рис.3, 3)³. Реконструкцию данному сюжету можно дать следующую. По периметру – растительный орнамент в виде лозы (?). В центральном поле – че-

тыре животных по кругу. В центре – конический выступ-ручка, припаяна. Внешний бортик невысокий, до 3 мм.

Погребение 2 находилось в южной части западной группы могил. Контуры ямы проследить не удалось, так как заполнение состояло из материкового грунта. Дно находилось на глубине 0,95 м от поверхности. Костяк взрослого человека лежал на спине, головой на З, руки вытянуты вдоль туловища (рис.4). Под черепом обнаружена серьга, под кистью левой руки находился целый комплект вещей: железный нож, 3 железные пряжки, бронзовый крючок, бусина, кремневый наконечник стрелы, серебряная монета и 3 костяных изделия (рис.3, 5).

– Крючок бронзовый, рыболовный, с расплюснутым ушком, из проволоки Ø 0,1 см. Длина (далее – Д.) – 3,5 см (рис.3, 6).

– Бусины стеклянные (10 шт.), темного цвета, практически одинакового Ø, равного 0,7 см. Все они имеют неправильно-овальную форму с уплощенной верхней и нижней поверхностями. Восемь бусин изготовлены из полупрозрачного желтовато-зеленого стекла. Одна из них двойная (не разрезана), имеет восьмеркообразную в поперечном сечении форму. Две бусины сделаны из стекла темно-синего, близкого к черному цвету. Поверхность всех бусин расчленена глубокими вертикальными бороздами, нанесенными по незаастывшему изделию (рис.3, 7).

– Пуговица-пряжка костяная, Ø – 1,8 см, по краю видны следы орнамента в виде насечек. Ø отверстия – 0,7 см (рис.3, 8).

– Поплавок(?) костяной, овальной формы, с небольшим пазом по нижнему краю бортика и отверстием в центре. Ø отверстия – 0,2 см. Размеры поплавок: 2х1,4 см (рис.3, 9).

¹ Авторы статьи искренне благодарят сотрудника Мариупольского краеведческого музея А.С.Ладкина, коллег по научно-исследовательской группе Донецкого национального университета Э.Е.Кравченко и В.В.Мирошниченко за помощь в зарисовке и фотофиксации ряда вещей.

² К сожалению, ко времени подготовки материалов могильника к изданию, ряд вещей из-за своей плохой сохранности оказался непригодным к зарисовке, реконструкции форм и, следовательно, к атрибутированию.

³ Рисунок зеркала отсутствует, поскольку сделать его из-за крайне высокой степени стертости не представляется возможным. Дана фотография предмета.

– Пряжка костяная – регулятор для натяжения поводка рыболовной снасти. Овальная в плане, с двумя отверстиями, равноудаленными от центра. Д. – 2,8 см, ширина (далее Ш.) – 1,8 см, Ø отверстий – 0,3 см (рис.3, 10).

– Наконечник стрелы из кремня, обломан, использовался вторично. Д. – 3,5 см (рис.3, 11).

– Монета серебряная – дирхем Абдаллах-хана 767 г.Х. (1365/1366 гг.). Вес 1,11⁴ (рис.3, 12).

Л.с.: “Аллах/ Абд-/ (х)ан; да длится вечно/ владычество его!”

О.с.: “Чекан/ Орды/ года/ 767”.

– Нож с обломанным концом, рукоять со следами дерева. Клинок треугольный в сечении. Д. сохранившейся части – 11 см (рис.3, 13).

– Пряжка железная, плоская, подовальной формы, Ø – 4 см, сечение овальное – 0,8 см, язычок отломан (рис.3, 14).

– Пряжка железная круглой формы, Ø – 2,5 см, сечение овальное – 0,5 см (рис.3, 15).

– Пряжка железная, плоская, с одной овальной, а другой – выступающей в виде треугольника сторонами, без язычка (обломан). Ø – 3,5 см, сечение овальное (рис.3, 16).

– Серьга из низкопробного серебра, концы разомкнуты. Изготовлена из тонкой проволоки Ø до 0,2 см. Ø серьги – 2,3 см (рис.3, 17).

Погребение 3 находилось в 8 м севернее погребения 2, на глубине 0,6 м, заполнено материковым грунтом. Скелет ребенка лежал вытянуто, на спине, головой на СВ. Кости очень плохой сохранности. Под нижней челюстью обнаружены фрагмент зеркала и бусы (рис.6, 7).

– Бусы стеклянные, сферические, окислены, Ø – 0,7 см (10 экз.) (рис.6, 8).

– Фрагмент зеркала из белого сплава с широким ободком по краю. На сохранившейся части орнаментального поля рельефно изображены ноги лошади. По краю диска проходит круговая орнаментальная зона, на сохранившейся части которой видны фрагментированные изображения двух цапель. Примерный Ø диска зеркала – 15 см (рис.6, 9).

Погребение 4 находилось в 10 м севернее погребения 3, на глубине 0,98 м, контуры ямы не прослеживались. Погребенный лежал вытянуто, головой на В. У его правого плеча обнаружена бусинка (рис.4, 1).

– Бусинка из непрозрачного стекла, окислена (разбита), Ø – 0,7 см (рис.4, 2).

Погребение 5 находилось в 3 м южнее погребения 4, на глубине 0,95 м. В материке обнаружен костяк взрослого человека, который лежал вытянуто на спине, головой на СВ. Безы Inventарное (рис.4, 9).

Погребение 6 находилось в 5 м к ЮВ от погребения 5, на глубине 0,57 м. Юго-западная часть погребения срезана скрепером во время строительных работ. Погребенный лежал на спине, головой на СВ, руки вытянуты вдоль туловища. С обеих сторон головы обнаружено по серьге (рис.6, 10).

– Серьга медная (?) в виде знака вопроса, Ø сечения прута – 0,15 см. Прямая часть серьги обернута тонкой проволочкой Ø 0,03 см. Внешний Ø кольца серьги – 2,3 см (рис.6, 11).

– Серьга медная (?), близкая по форме первой, на конце – бусина из непрозрачного стекла салатного цвета. Внешний Ø кольца серьги – 2,4 см, Ø сечения прута – 0,16 см (рис.6, 12).

Погребение 7 находилось в 4 м к ЮВ от погребения 6. В материке обнаружена длинная узкая яма с закругленными углами размерами: 2,2х0,65 м и глубиной 1,1 м. На дне в вытянутом положении на спине лежал костяк взрослого человека, ориентированный головой на СВ. Берцовые кости левой ноги погребенного имели следы перелома. В юго-западной части погребения находились удила, 2 стремени, небольшая бронзовая плочка, на правой ноге лежал колчан со стрелой внутри. У левой кисти обнаружено кресало с кремнем и 3 монеты, справа от погребенного, у таза – 2 астрагала овцы/козы и фрагменты железных колец, на груди человека находились 2 железные бляхи. Под стенками, у правой и левой рук погребенного, обнаружены кости животного (рис.5, 1).

– Наконечник стрелы железный пламевидной формы, круглый в сечении. Д. пера – 3 см, черешка – 3 см (рис.5, 2).

– Монета серебряная – дирхем Узбек-хана без даты.

Л.с.: В фигурном ободке: Султан/ Узбек-хан/ изображение тамги дома Бату.

О.с.: В круговом ободке: “Нет бога, кроме Аллаха. Мухаммед/ посланник Аллаха”.

На лицевой стороне – надчеканка “хан”. Вес – 0,97 (рис.5, 3).

– Монета серебряная – дирхем Узбек-хана без даты.

Л.с.: В фигурном ободке: “Султан/ Узбек-хан/ изображение тамги дома Бату”.

О.с.: В круговом ободке: “Нет бога, кроме Аллаха. Мухаммед/ посланник Аллаха”.

На лицевой стороне, на краю монетного поля, просматривается фрагмент надчеканки(?). Вес – 1,10 (рис.5, 4).

– Монета серебряная – дирхем Узбек-хана без даты.

⁴ Вес монет здесь и далее дается в граммах.

Л.с.: В фигурном ободке: “Султан/Узбек-хан/ изображение тамги дома Бату”.

О.с.: В круговом ободке: “Нет бога, кроме/ Аллаха. Мухаммед/ посланник Аллаха”.

На оборотной стороне сделана надчеканка “хан”. Вес – 1,04 (рис.5, 5).

– Плошка бронзовая, грубой работы, изготовлена из листа бронзы, края рваные, неровные, в дне несколько дыр, образовавшихся при соединении ковкой листа из двух полос такого же листа, края ее рваные, неровные. Концы ручки продеты в небрежно пробитые отверстия в стенках плошки и загнуты. Неаккуратное выполнение (возможно, “наспех”) и сама конструкция плошки ставит под сомнение ее практическое применение. Возможно, ее помещение в могилу имело ритуальное значение. $\varnothing$ плошки – 15 см, Ш. ручки – 1,5 см (рис.5, 6).

– Кольцо железное $\varnothing$ 2,3 см, круглое в сечении (сечение – 0,5 см), соединилось с другим аналогичным кольцом, возможно, для крепления колчана (рис.5, 7).

– Кресало удлиненно-овальной формы с широкой овальной прорезью. Д. – 9,5 см, Ш. – 3 см (рис.5, 8).

– Пластины железные, нагрудные, от кожаного панциря (2 экз.) размерами: 7х4,5 см, толщиной до 0,5 см. На лицевой стороне пластин имеется по две заклепки. Пластины, очевидно, крепились к мягкой подкладке с помощью заклепок с округлой полусферической шляпкой (рис.5, 10-11).

– Удила двухзвеньевые с трезельными кольцами. Д. грызла – 8 см, форма сечения грыз-

ла не определяется, $\varnothing$ колец – 4,5 см, сечение – 0,7 см (рис.5, 12).

– Отщеп кремня подтреугольной формы со следами боковых сколов, патинизирован (рис.5, 9).

– Стремя арочной формы со скругленной верхней частью дужки с прорезью для путлища. Высота стремени – 15,4 см. Ш. подножки – 5,6 см (рис.5, 13).

– Стремя арочной формы с округлой верхней частью дужки, с прорезью для путлища. Дужка стремени в сечении подтреугольная. Высота стремени – 14,8 см, Ш. подножки – 5,5 см (рис.5, 14).

– Колчан берестяной, расширяющийся кверху. Д. колчана – 66 см, Ш. в верхней части – 20 см, в нижней – 11 см. В нижней и средней частях – железные оковки (рис.5, 15).

– Лук, сильно фрагментирован (рис.5, 16).

– Фрагмент пряжки железной, овальной формы, сечением 0,5 см (рисунок из-за плохой сохранности изделия не выполнен).

Погребение 8 находилось в 3 м к В от погребения 5, на глубине 0,9 м. В материковом грунте вытянуто на спине лежал скелет взрослого человека, головой на СВ. В левой стороне грудной клетки обнаружен железный наконечник стрелы (?), справа от черепа – серьга, у правого плеча – бусы (рис.4, 7).

– Серьга серебряная (?) в виде знака вопроса, изготовлена из тонкой проволоки сечением 0,1 см. У основания кольца стержень обвит проволокой. Д. серьги – 3,1 см (рис.4, 5).

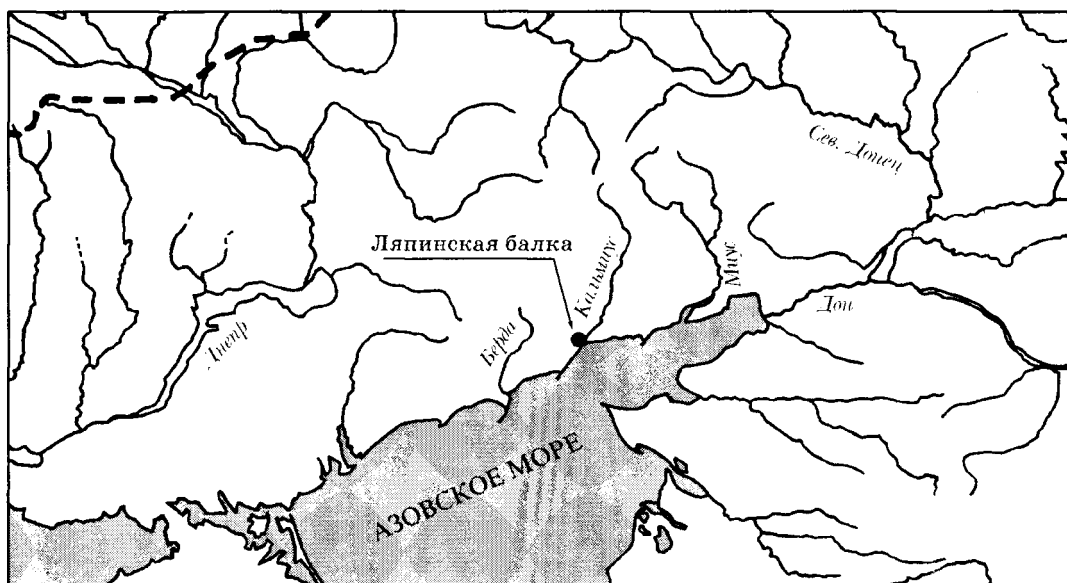

Рис. 1. Карта-схема местонахождения грунтового могильника Ляпинская балка.

Fig. 1. Map of location and layout of the ground burial Lyapinskaya Balka.

Abb. 1. Lageplan des Gräberfeldes Steppenschlucht Ljapinskaja.

Dess. 1. Carte-schéma de la situation de la nécropole au ras du sol creux de Lapino

– Бусы пастовые биконические (4 экз.), $\varnothing$ – 0,5 см (рис.4, 6).

– Наконечник стрелы (?) железный. Перо – под-квадратное в сечении, черешок – квадратный, фрагментирован (рисунок из-за крайне плохой сохранности изделия не выполнен).

Погребение 9 занимало крайнее северное положение в западной группе погребений. В материке на глубине 0,75 м обнаружен скелет взрослого человека, лежащий вытянуто на спине, головой на СВ. Справа от черепа обнаружена серьга, у правой кисти – остатки свинцового (?) изделия (рис.4, 3).

– Серьга бронзовая в виде разомкнутого кольца из проволоки сечением 0,1 см, $\varnothing$ – 2 см (рис.4, 4).

– Свинцовое (?) изделие не сохранилось и, следовательно, его описание и зарисовка не выполнены.

Погребение 10 находилось в 3 м к СВ от погребения 8, на глубине 0,5 м. Скелет погребенного со-

хранился плохо, он лежал вытянуто на спине, головой на З (рис.7, 1). Инвентарь в погребении не обнаружен.

Погребение 11 находилось в 5 м к СЗ от погребения 10 на глубине 0,63 м. Скелет взрослого человека лежал вытянуто на спине, головой на СВ. Безынвентарное (рис.4, 8).

Погребение 12 находилось в северной части восточной группы погребений. Положение скелета установить не удалось, поскольку он был полностью разрушен строителями. Сохранились некоторые вещи: нож, пряжка и кресало с кремнем.

– Кресало (фрагмент) калачевидное, без язычка, с загнутым концом. Д. сохранившейся части – 6 см (рис.8, 12).

– Отщеп кремня подтреугольной, неправильной формы, размерами 4x2,7 см, с двух сторон на кремне – следы забитости (рис.8, 13).

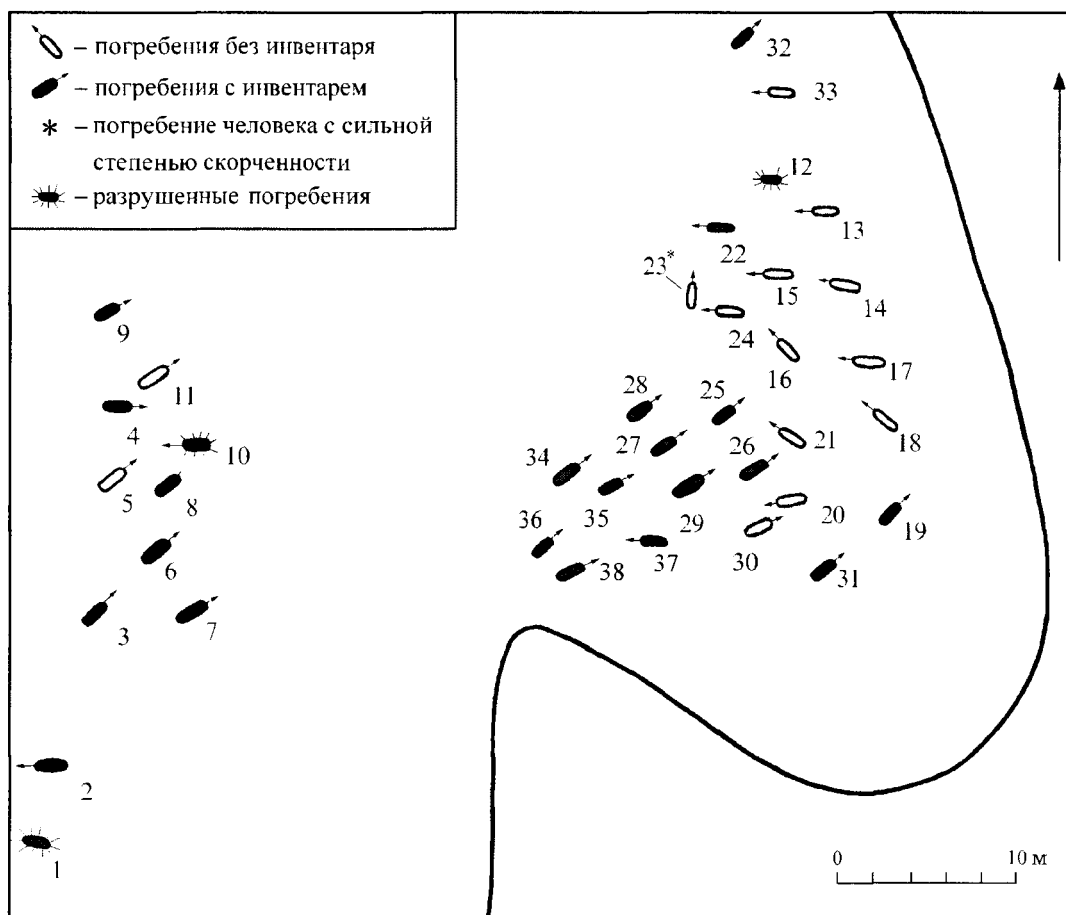

Рис. 2. План-схема грунтового могильника Ляпинская балка на окраине г. Мариуполя.

Fig. 2. Map of location and layout of the ground burial Lyapinskaya Balka in the housing estate at the outskirts of the town of Mariupol.

Abb. 2. Lagerplan des Gräberfeldes Steppenschlucht Ljapinskaja am Rande der Stadt Mariupol.

Dess. 2. Plan-schéma du monument au ras du sol situé dans creux de Lapino d'une banlieue de la ville de Mariupol

– Пряжка железная, поясная, округлая, с прямым основанием, на котором крепился узкий прямой язычок, размерами 6,5х6,0 см (рис.8, 14).

– Нож подтреугольный в сечении, лезвие разбито. Д. сохранившейся части – 17 см, максимальная Ш. равна 2,3 см (рис.8, 15).

Погребение 13 находилось в северной части восточной группы погребений. Контуры ямы проследить не удалось. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на З. Руки слегка согнуты в локтях. Кисти лежат на тазовых костях. Глубина погребения – 0,87 м (рис.7, 2). Погребение безынвентарное.

Погребение 14 находилось в 4 м к югу от погребения 13, на глубине 0,83 м. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на З (рис.7, 3). Безынвентарное.

Погребение 15 находилось в 3 м к З от погребения 14, на глубине 0,92 м. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на З (рис.7, 5). Безынвентарное.

Погребение 16 находилось в 4 м к Ю от погребения 15, на глубине 0,87 м. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на СЗ (рис.7, 6). Безынвентарное.

Погребение 17 находилось в 4 м к Ю от погребения 14, на глубине 0,73 м. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на З (рис.7, 4). Безынвентарное.

Погребение 18 находилось в 3 м к Ю от погребения 17, на глубине 0,70 м. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на СЗ (рис.7, 7). Безынвентарное.

Погребение 19 находилось в 6 м к Ю от погребения 18, в южной части восточной группы могил, на глубине 0,6 м. Погребение сильно разрушено землеройными животными, возможно, ограблено. По сохранившимся костям можно определить, что скелет лежал головой на СВ. В погребении обнаружены: нож, булава, наконечник стрелы и железное кольцо (рис.4, 10).

– Наконечник стрелы железный, броневойно-го типа, ромбический в сечении. Д. пера – 3,5 см, сохранившаяся часть черешка – 1,5 см (рис.4, 11).

– Булава железная шаровидной формы, слегка приплюснутая с полюсов с широким отверстием в центре. Ø булав – 4 см, высота – 3 см, Ø отверстия – 2 см (рис.4, 12).

– Кольцо железное, подквадратное в сечении, Ø – 4 см (рис.4, 13).

– Нож прямой с деревянной рукояткой и медным перекрестием (кинжал?). Д. ножа – 20 см, Ш. – 2,5 см (рис.4, 14).

Погребение 20 находилось в 6 м к З от погребения 19, на глубине 0,70 м. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗЗ (рис.7, 8). Безынвентарное.

Погребение 21 находилось в 4 м к С от погребения 20, на глубине 0,70 м. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на СЗ. У его левого плеча обнару-

жены фрагменты свинцового (?) изделия (рис.7, 9) непонятной формы и назначения.

– Свинцовое изделие рассыпалось при расчистке и, следовательно, не описано и не зарисовано.

Погребение 22 находилось в северной части восточной группы погребений, в 5 м к З от погребения 13, на глубине 0,45 м. Кости ребенка плохой сохранности лежали не в анатомическом порядке. Судя по ним, погребенный лежал на спине, головой на З. Возле черепа обнаружены бусы, серьга и пуговица (рис.8, 1).

– Серьга медная (?) круглая, фрагментированная, из проволоки сечением 0,2 см, Ø – 2 см (рис.8, 2).

– Пуговица керамическая, круглая, слегка утолщенная, с двумя отверстиями. Ø – 1,5 см, толщина – 0,4 см. Внешняя поверхность пуговицы имеет покрытие темно-синей кобальтовой глазурью. Полива на фронтальной и тыльной поверхностях предмета вытерта до ангоба, приобрела светло-серый цвет (рис.8, 3).

– Бусы (рис.8, 4) представлены 20 целыми и девятью обломками. Все бусины имеют уплощенно-шарообразную форму. Изготовлены из темно-синего, желтовато-зеленого (непрозрачного) и светло-зеленого стекла. Размеры бусин различны. Мы думаем, что это обусловлено характером их изготовления (навивка на стержень с последующим разрезанием). Две из них не разрезаны, в результате чего имеют восьмеркообразную форму.

а) бусы из зеленого непрозрачного стекла. Округлые в сечении, Ø – 0,6 см (5 экз.);

б) бусы из темно-синего непрозрачного стекла Ø – 0,7 см (1 экз.), Ø – 0,4 см (6 экз.);

в) бусы стеклянные мелкие зеленого(?) цвета, Ø – 0,4-0,7 см (3 экз.).

Погребение 23 находилось в 5 м к ЮЗ от погребения 22, на глубине 0,65 м. Скелет лежал скорченно на левом боку, головой на С. Ноги согнуты в коленях, подтянуты к животу, руки согнуты в локтях, кистями на животе (рис.6, 13). Безынвентарное.

Погребение 24 находилось в 6 м к Ю от погребения 22, на глубине 0,60 м. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на З. Руки слегка разведены в локтях, берцовые кости ног отсутствуют (рис.7, 10). Безынвентарное.

Погребение 25 находилось в 6 м к Ю от погребения 24 на глубине 1,20 м. Яма прямоугольной формы, с закругленными углами, размерами 1,9х0,8 м, ориентирована по линии ЮЗ-СВ. На дне вытянуто на спине, головой на СВ лежал скелет взрослого человека. У левой кисти погребенного обнаружена булава и 2 железных кольца, еще 1 кольцо вместе с рамкой пряжки находились справа от погребенного. В восточном углу находились кости животного (рис.9, 1).

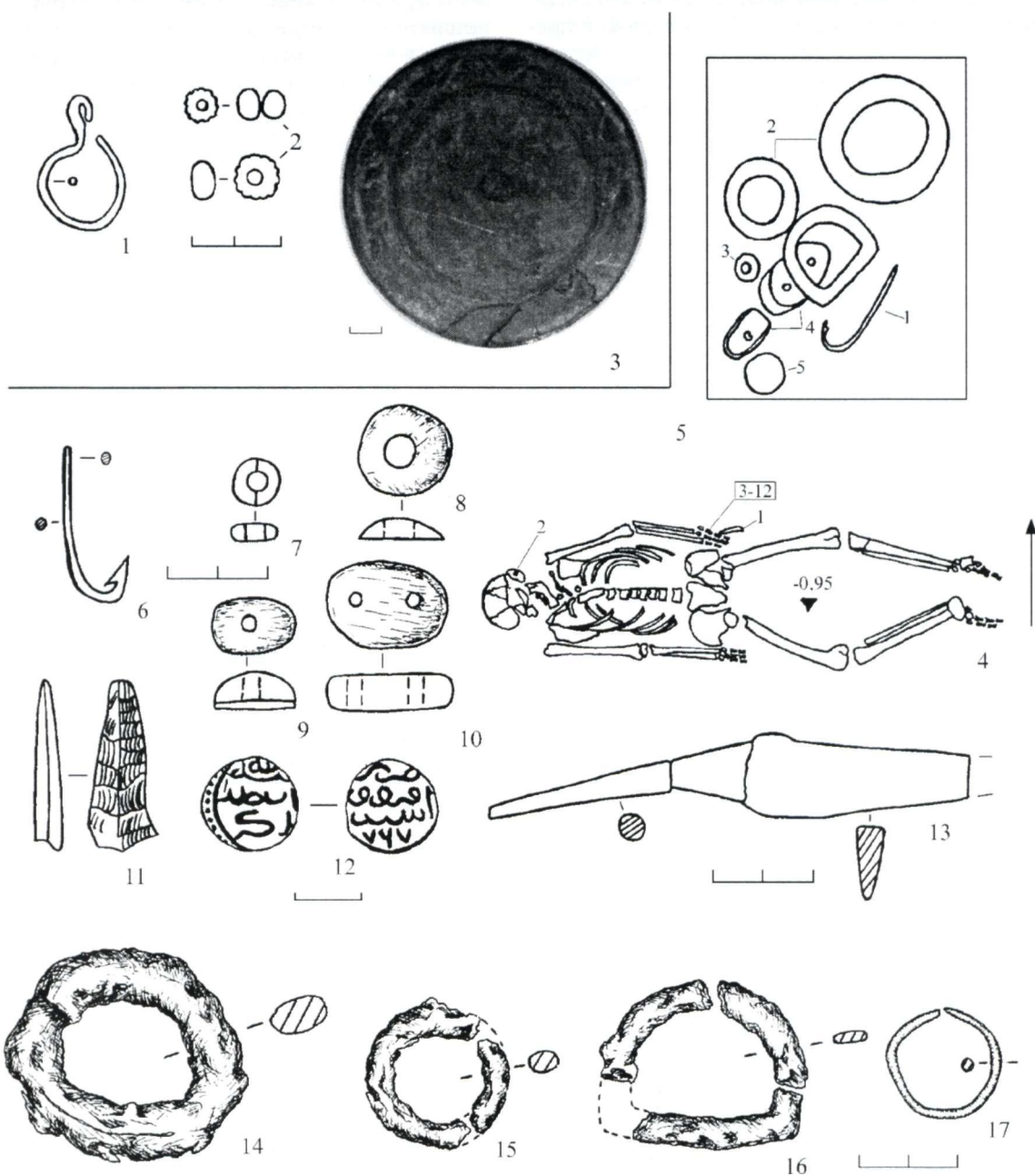

Рис. 3. Грунтовой могильник Ляпинская балка. 1-3 - вещи из разрушенного погребения 1: 1 - серьга медная; 2 - бусы стеклянные; 3 - зеркало бронзовое. 4-17 - погребение 2: 4 - план погребения; 5 - ситуационный план расположения вещей, обнаруженных под кистью левой руки; 6 - крючок рыболовный; 7 - бусина стеклянная; 8 - пуговица (ворворка) костяная; 9 - поплавок (?) костяной; 10 - пряжка костяная; 11 - наконечник стрелы кремневый; 12 - монета серебряная; 13 - бритва (?); 14-16 - рамки от железных пряжек; 17 - серьга серебряная.

Fig. 3. Ground burial Lyapinskaya Balka. 1-3 - objects from the destroyed burial 1: 1 - copper earring; 2 - glass beads; 3 - bronze mirror. 4-17 - burial 2: 4 - burial plan; 5 - situational location plan of objects found under the left hand; 6 - fishing hook; 7 - glass bead; 8 - bone button (vorvorka); 9 - bone float (?); 10 - bone buckle; 11 - flint arrowhead; 12 - silver coin; 13 - razor (?); 14-16 - iron buckle frames; 17 - silver earring.

Abb. 3. Gräberfeld Steppenschlucht Ljapinskaja. 1-3 – Gegenstände aus einem zerstörten Grab 1: 1 – Kupferner Ohrring; 2 – Glasperlen; 3 – Spiegel aus Bronze. 4-17 – Grab 2: 4 – Grabgrundriss; 5 – Lageplan der Gegenstände, die unter der linken Hand entdeckt wurden; 6 – Angelhaken; 7 – Glasperle; 8 – Knochenknopf (Klammer); 9 – Knochenschwimmer (?); 10 – Knochenspange; 11 – Pfeilspitze aus Feuerstein; 12 – Silbermünze; 13 – Rasierklinge (?); 14-16 – iron buckle frames; 17 – Silberner Ohrring.

Dess. 3. La nécropole au ras du sol creux de Lapino. 1-3 – objets trouvés dans le tombeau ruiné 1: 1 – boucle d'oreille en cuivre; 2 – collier en pâte; 3 – miroir en bronze. 4-17 – tombeau 2: 4 – plan du tombeau; 5 – plan de la disposition des objets trouvés sous la paume de la main gauche; 6 – hameçon; 7 – perle de verroterie; 8 – bouton (vorvorka) en os; 9 – flotteur (?) en os; 10 – fibule en os; 11 – pointe d'une flèche en silex; 12 – pièce de monnaie en argent; 13 – rasoir (?); 14-16 – Encadrements des fibules en fer; 17 – boucle d'oreille en argent

– Булава железная подовальной в плане формы, несколько приплюснутая с полюсов, с довольно выраженными, но округлыми боками и с зауженной шейкой, отделенной узким пояском. Поверхность сильно бугристая, полностью выщербленная. По технике изготовления она близка булаве из погребения 19. Высота – 3 см, Ø – 4,7 см, Ø отверстия – 1,5-1,6 см (рис.9, 2).

– Кольца железные, круглые, сечением 0,5-0,7 см, Ø – 2,5 см (1 экз.); 2,7 см (1 экз.); 3 см (1 экз.) (рисунки из-за плохой сохранности предметов не выполнены).

– Пряжка железная поясная, прямоугольная в плане, овальная в сечении, размеры 4х3 см (рисунок из-за плохой сохранности предмета не выполнен).

Погребение 26 находилось в 4 м к ЮВ от погребения 25, на глубине 0,98 м. Яма имела прямоугольную форму с закругленными углами, размерами 1,8х0,6 м. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на СВ. Справа от черепа находилась серьга, под левой стороной грудной клетки – зеркало, у левого плеча – ножницы, у правой ключицы – шило (рис.10, 1).

– Шило (?) плохой сохранности, подквадратное в сечении, Д. сохранившейся части – 8 см (рис.10, 2).

– Ножницы шарнирные, с двумя петлевидными несомкнутыми ушками. Длина лезвия – 16,5 см, максимальная Ш. – 1,5 см, общая Д. – 26 см (рис.10, 3).

– Зеркало из светлой бронзы (?) в форме диска с узким бортиком по краю и шишечкой-петлей в центре. Орнаментальное поле занято рельефным изображением: растительный орнамент в центре и круговая арабская надпись по краю, разделенная специальными знаками на две части. Ø зеркала – 8,9 см, высота бортика – 0,4 см (рис.10, 4). Развертка надписи зеркала – на рис.10, 5.

– Серьга медная(?) в виде знака вопроса из проволоки сечением 0,1 см, стержень обмотан тонкой проволокой, конец стержня – пружинкой из этой проволоки, на конце стержня надета граненая бусина. Д. стержня – 4,5 см, Ø кольца – 2,2 см (рис.10, 6).

Погребение 27 находилось в западной части восточной группы могил, в 5 м к 3 от погребения 26, на глубине 1,13 м. Узкая прямоугольная яма с закругленными углами размерами 2,0х0,5 м. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на СВ. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая слегка согнута в локте, кистью на костях таза. У предплечья левой руки находились нож и кресало с кремнем, выше таза – железное кольцо и 3 пряжки (рис.9, 3).

– Пряжка железная прямоугольной формы, с язычком. Размеры 2,5х1,8 см (рис.9, 4).

– Пряжка железная, овальной формы, без язычка. Д. – 2,5 см, Ш. – 1,2 см (рис.9, 5).

– Кольцо железное с заведенными друг за друга концами, Ø – 2,3 см (рис.9, 6).

– Пряжка железная, фрагментированная, подпрямоугольная, язычок обломан (рис.9, 7).

– Кресало калачевидной формы с несомкнутыми концами, прямоугольное в сечении. С внутренней стороны имеется небольшой подтреугольный язычок. Д. кресала – 8 см, Ш. – 3 см (рис.9, 8).

– Отщеп кремня неправильной прямоугольной формы размерами 3,5х2,8 см, со следами забитости (рис.9, 9).

– Нож железный, клинок подтреугольный в сечении, с упором. Д. – 14,5 см, наибольшая Ш. – 1,8 см (рис.9, 10).

Погребение 28 находилось в 3 м к СЗ от погребения 27, на глубине 0,95 м. Яма прямоугольной формы с закругленными углами, размерами 1,8х0,6 м. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на СВ. Справа напротив локтя и слева напротив лицевой части черепа находились невыразительные фрагменты костей животных. Справа у черепа лежала серьга. У левого плеча погребенного находился нож, под левой частью грудной клетки найдены зеркало и пряслице, под правой кистью – разложившийся железный предмет (рис.11, 3).

– Пряслице из стенки амфоры красного цвета, Ø – 5,1 см, Ø отверстия – 0,7 см (рис.11, 1).

– Серьга медная в виде знака вопроса, изготовлена из проволоки сечением 0,2 см, Ø петли – 1,7 см (рис.11, 2).

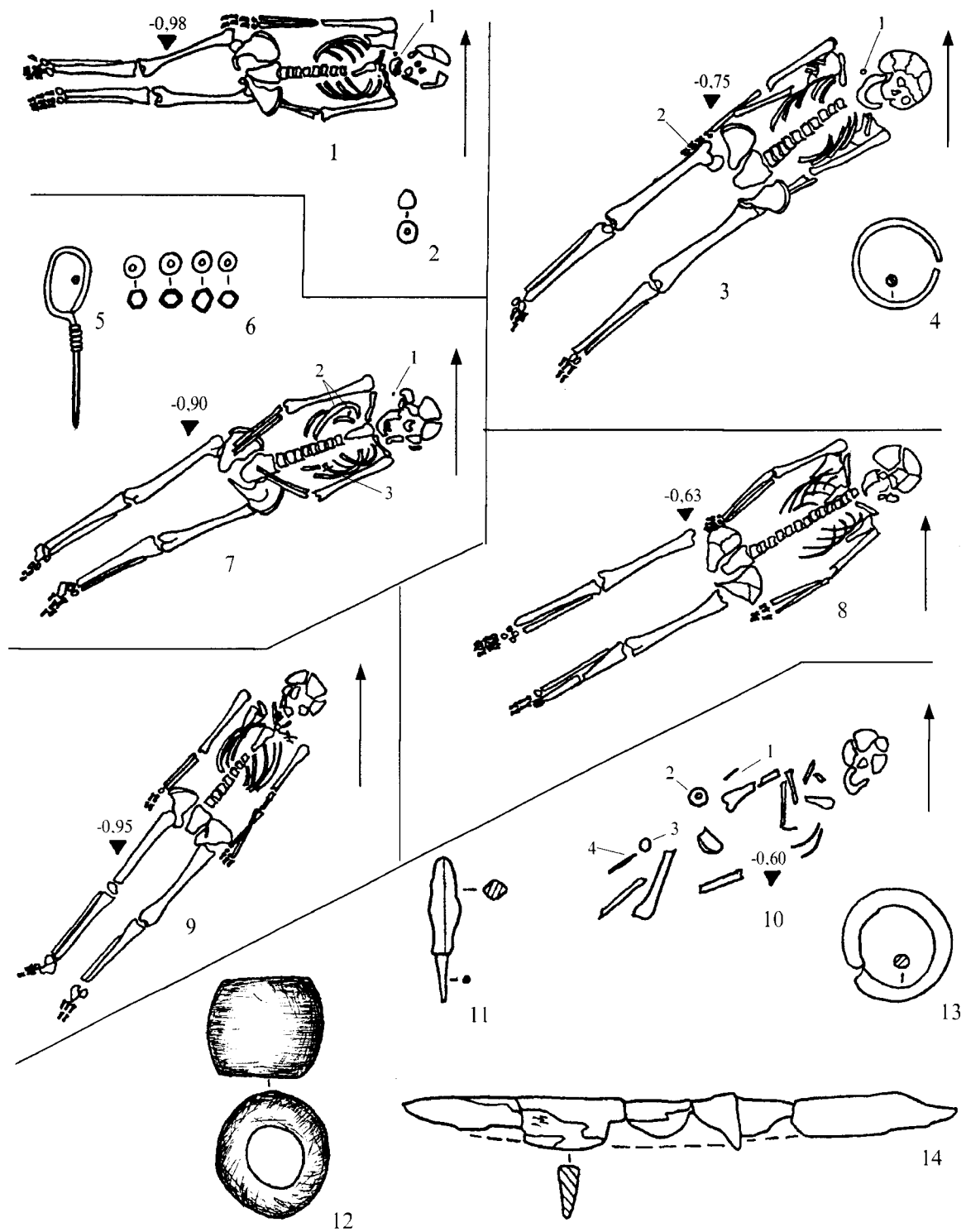

Рис. 4. Грунтовой могильник Ляпинская балка. 1-2 – погребение 4: 1 – план погребения; 2 – бусинка стеклянная. 3-4 – погребение 9: 3 – план погребения; 4 – серьга бронзовая. 5-7 – погребение 8: 5 – серьга серебряная; 6 – бусины стеклянные; 7 – план погребения. 8 – погребение 11. 9 – погребение 5. 10-14 – погребение 19: 10 – план погребения; 11 – наконечник стрелы; 12 – булава железная; 13 – кольцо железное; 14 – нож.

Fig. 4. Ground burial Lyapinskaya Balka. 1-2 – burial 4: 1 – burial plan; 2 – glass bead. 3-4 – burial 9: 3 – burial plan; 4 – bronze earring. 5-7 – burial 8: 5 – silver earring; 6 – glass beads; 7 – burial plan. 8 – burial

11. 9 – burial 5. 10-14 – burial 19: 10 – *burial plan*; 11 – *arrowhead*; 12 – *iron mace*; 13 – *iron ring*; 14 – *knife*.

Abb. 4. Gräberfeld Steppenschlucht Ljapinskaja. 1-2 – Grab 4: 1 – *Lageplan der Bestattung*; 2 – *Glasperle*. 3-4 – Grab 9: 3 – *Lageplan der Bestattung*; 4 – *Ohrring aus Bronze*; 5-7 – Grab 8: 5 – *Ohrring aus Silber*; 6 – *Glasperlen*; 7 – *Lageplan der Bestattung*. 8 – Grab 11. 9 – Grab 5. 10-14 – Grab 19: 10 – *Lageplan der Bestattung*; 11 – *Pfeilspitze*; 12 – *Eisenkeule*; 13 – *Eisenring*; 14 – *Messer*.

Dess. 4. Nécropole au ras du sol creux de Lapino. 1-2 – tombeau 4: 1 – *plan du tombeau*; 2 – *perle en pâte*. 3-4 – tombeau 9: 3 – *plan du tombeau*; 4 – *boucle d'oreille en bronze*. 5-7 – tombeau 8: 5 – *boucle d'oreille en argent*; 6 – *perles en pâte*; 7 – *plan du tombeau*. 8 – tombeau 11. 9 – tombeau 5. 10-14 – tombeau 19: 10 – *plan du tombeau*; 11 – *pointe d'une flèche*; 12 – *massue en fer*; 13 – *anneau en fer*; 14 – *couteau*

– Нож с рукоятью, лезвие клиновидное в сечении. Рукоять круглая в сечении, ее Д. – 3,5 см. Д. лезвия – 7,4 см, Ш. – 1,1 см (рис.11, 4).

– Зеркало из светлой бронзы (?) в форме диска с узким бортиком по краю и шишечкой-петлей в центре. Орнаментальное поле занято рельефным изображением: растительный орнамент в центре и круговая арабская надпись по краю, разделенная специальными знаками на две части. Изделие аналогично зеркалу из погребения 26, но гораздо сильнее стерто. Ø зеркала – 8,2 см, высота бортика – 0,25-0,27 см (рис.11, 5).

Погребение 29 находилось в 3 м к ЮВ от погребения 27, на глубине 1,3 м. Яма – длинная прямоугольная, с закругленными углами, размерами 2,3х0,65 м. Скелет лежал на спине, вытянуто, головой на СВ. Локти слегка разведены в стороны. У правой ступни обнаружен нож плохой сохранности, на пальцах правой руки – 2 бронзовых (?) кольца, у правого плеча – пуговица и бусинка, у левой ключицы – ножницы и железный предмет, под правой частью грудной клетки – зеркало и остатки изделия из свинца. Под грудной клеткой находились позвонки животного, кости животного также обнаружены под восточной стенкой ямы (рис.12, 8).

– Ножницы шарнирные. Рукояти оформлены в виде своеобразной восьмерки. Д. лезвия – 13 см, Ш. – 2,5 см, Ø колец – 5,2 см, сечение – 0,6 см (рис.12, 1).

– Пластина железная неясного назначения. Д. – 6,2 см, Ш. – 1,5 см (рис.12, 2).

– Пуговица керамическая, покрытая темно-синей поливой, круглая, слегка выпуклая, с двумя отверстиями. Ø – 1,7 см (рис.12, 3).

– Кольцо бронзовое(?), разомкнуто, Ø – 2 см, сечение – 0,2 см (рис.12, 4).

– Кольцо бронзовое(?), разомкнуто, Ø – 2,1 см, сечение – 0,3 см (рис.12, 5).

– Бусина круглая, из стекловидной пасты. Ø – 0,9 см, Ø отверстия – 0,3 см (рис.12, 6).

– Зеркало из белого сплава. В центре с тыльной стороны имеется петля, лицевая сторона с валиком по центру зеркала заполирована. Ø зеркала – 6,7 см (рис.12, 7).

– Нож. Не сохранился.

Погребение 30 находилось в 4 м к ЮВ от погребения 29, на глубине 0,75 м. Скелет ребенка ле-

жал вытянуто на спине, головой на СВВ (рис.12, 9). Безы Inventарное.

Погребение 31 находилось в южной части восточной группы могил. Прямоугольная яма с закругленными углами имела глубину 1,32 м. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на СВ. У правой кисти обнаружено зеркальце, у левой – фрагменты ножниц и кожаный футляр, у левого плеча – зеленый шарик из непрозрачного стекла с остатками свинцового (?) изделия, у правой ключицы – серьга и бусинка, под северной и южной стенками – кости животного (рис.6, 2).

– Сумочка-футляр бежевого цвета, сделана из цельного куска кожи, перегнутого пополам(?) и сшитого по бокам нитками. Размеры 5,5х3,6 см (рис.6, 1).

– Зеркало (1/2 часть) из сплава серого цвета. На обратной стороне имеется небольшая боковая ручка. Ø зеркала – 6,3 см. На тыльной стороне предмета просматривается затертый орнамент: в центре зеркала – едва заметный круг; по периметру расположены полукруги чуть меньшие по диаметру, чем центральный. Прямые аналогии такой орнаментации зеркал в позднекочевнических памятниках нам обнаружить не удалось (рис.6, 3). Близкие аналогии подобной орнаментации имеются на аланских зеркалах более раннего периода (Плетнева С.А., 1989, с.101, рис.52, 114)

– Серьга медная в виде знака вопроса из проволоки сечением 0,1 см. На стержень намотана тонкая проволочка (рис.6, 4).

– Вставка в перстень зеленая стеклянная, Ø – 1 см (рис.6, 5).

– Бусинка стеклянная маленькая круглая желтоватого цвета, Ø – 0,3 см (рис.6, 6).

– Ножницы (невзрачные фрагменты). Рисунок из-за плохой сохранности изделия не выполнен.

Погребение 32 находилось в самой северной части восточной группы могил. Глубина ямы 0,75 м. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на СВ. Руки слегка согнуты в локтях, кистями на костях таза. У левого предплечья обнаружен нож (рис.12, 10).

– Нож с клиновидным в сечении лезвием. Д. лезвия – 12 см, Ш. – 1,5 см (рис.12, 11).

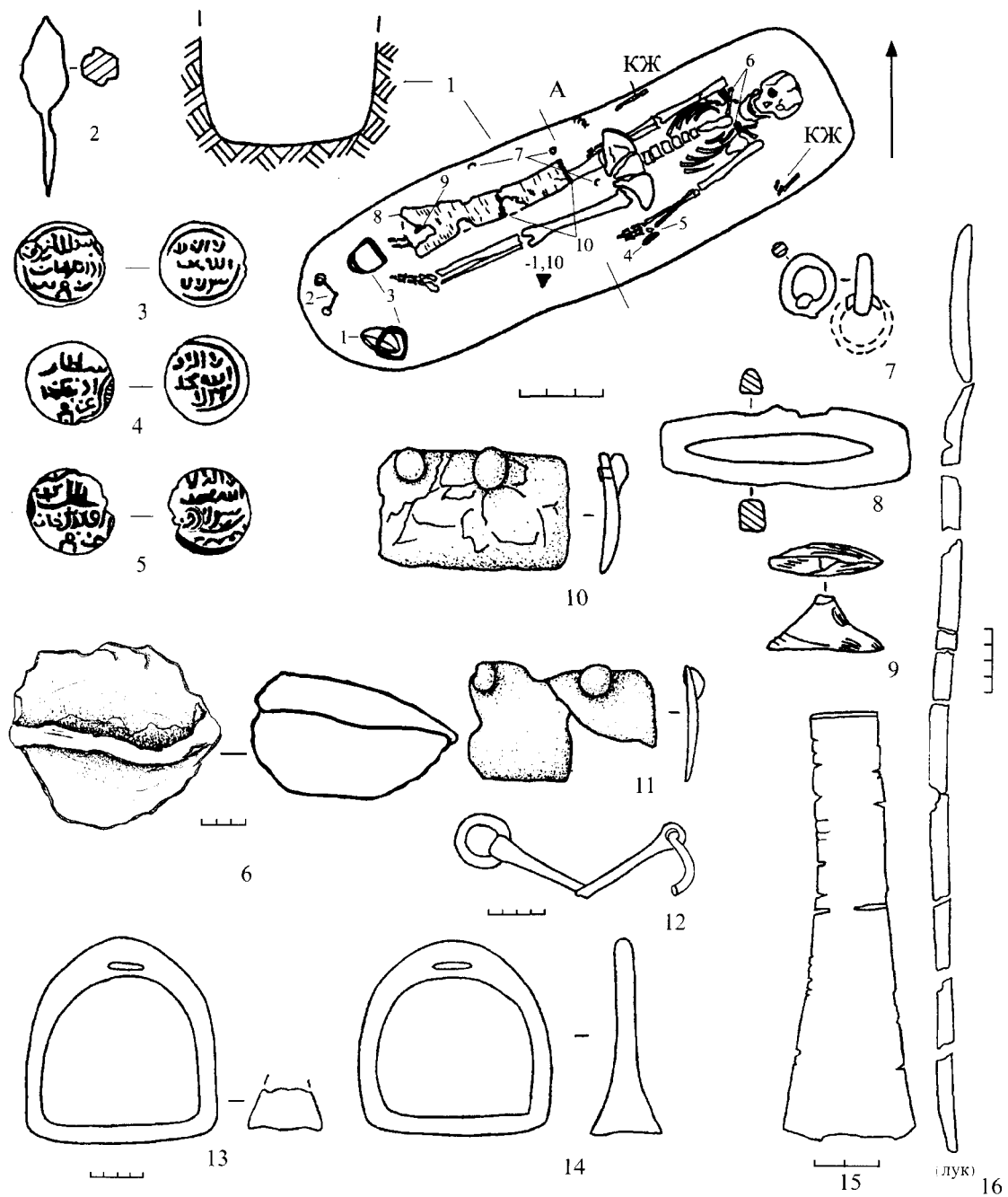

Рис. 5. Грунтовой могильник Ляпинская балка. 1-16 – погребение 7: 1 – план и разрез погребения; 2 – наконечник стрелы; 3-5 – монеты серебряные; 6 – плошка; 7 – кольцо от крепления колчана; 8 – кресало; 9 – кремь; 10-11 – бляхи нагрудные железные; 12 – удила; 13-14 – стремена; 15 – колчан; 16 – лук.

Fig. 5. Ground burial Lyapinskaya Balka. 1-16 – burial 7: 1 – burial plan and cross section; 2 – arrowhead; 3-5 – silver coins; 6 – saucer; 7 – quiver fastening ring; 8 – steel for striking sparks from flint; 9 – flint; 10-11 – iron breast plates; 12 – bit; 13-14 – stirrups; 15 – quiver; 16 – bow.

Abb. 5. Gräberfeld Steppenschlucht Ljapinskaja. 1-16 – Grab 7: 1 – Lageplan und Querschnitt der Bestattung; 2 – Pfeilspitze; 3-5 – Silbermünzen; 6 – Glockenschale; 7 – Ring von der Köcherbindung; 8 – Schlagfeuerzeug; 9 – Feuerstein für das Schlagfeuerzeug; 10-11 – Brustblechschilder; 12 – Trense; 13-14 – Steigbügel; 15 – Köcher; 16 – Bogen.

Dess. 5. Nécropole au ras du sol creux de Lapino. 1-16 – tombeau 7: 1 – plan et section du tombeau; 2 – pointe d' une flèche; 3-5 – pièces de monnaie en argent; 6 – jatte; 7 – anneau de fixation du carquois; 8 – briquet; 9 – silex de briquet; 10-11 – fibules de poitrine en fer; 12 – freins de cheval; 13-14 – étriers; 15 – carquois; 16 – arc

Погребение 33 находилось в 4 м к ЮВ от погребения 32, на глубине 0,73 м. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на З. Руки согнуты в локтях, кисти – на костях таза (рис.8, 5). Погребение безынвентарное.

Погребение 34 находилось в западной части восточной группы могильника. Яма сооружена в предматериковом грунте; дно находилось на уровне 0,6 м от поверхности. Контуры ее не прослеживались. На уровне 0,2 м от поверхности яма была перекрыта плоскими камнями небольших размеров. Скелет взрослого человека лежал вытянуто на спине, головой на СВ. Руки вытянуты вдоль туловища. Около локтя левой руки находились железные пластина и застежка (рис.13, 3).

– Пластина железная подтреугольной формы размерами 5x4 см. Толщина пластины – 0,2 см (рис.13, 1).

– Подвеска (?) железная листовидной формы, с крючкообразной дужкой и двумя небольшими заклепками в нижней и верхней ее частях. Размеры застежки – 9x2,2 см, толщина – 0,5 см (рис.13, 2).

Погребение 35 находилось в западной части восточной группы могил. Могильная яма имеет глубину 0,4 м от поверхности, в результате чего ее контуры не прослежены. Скелет ребенка лежал вытянуто на спине, головой на СВ. Около правой бедренной кости была найдена медная (?) серьга с бусиной, около шейных позвонков находились бусины из непрозрачного стекла (рис.13, 6).

– Серьга медная (?) в виде знака вопроса, изготовлена из круглой в сечении проволоки Ø 0,1 см. Прямая часть серьги обмотана тонкой проволокой. На конец надета стеклянная бусина округлой формы. Ø кольца серьги – 2 см, Д. ее – 2,8 см (рис.13, 7).

– Бусины из непрозрачного стекла, круглые в плане, овальные в поперечном сечении. Ø – 0,6-0,9 см. Всего 5 экз. (рис.13, 8).

Погребение 36 находилось в самой западной части восточной группы могильника. Сооружено на уровне 0,5 м от поверхности, контуры ямы не прослеживались. Скелет ребенка лежал вытянуто на спине, головой на СВ. Около шейных позвонков найдены стеклянные бусины (рис.13, 4).

– Бусины круглые из непрозрачного стекла зеленого цвета, покрыты патиной, овальные в сечении. Ø – 0,5-0,7 см. Всего 4 экз. (рис.13, 5).

Погребение 37 находилось в западной части восточной группы могил. Яма была вырыта в материке и засыпана материковой глиной. Контуры ее не прослеживались. Дно ямы находилось на уровне

0,8 м от поверхности. В заполнении встречены небольшие камни. Скелет взрослого человека был уложен вытянуто на спине, головой на З. Правая рука была вытянута вдоль туловища, левая, согнутая в локте, лежала кистью на правом крыле таза. На левой бедренной кости находился длинный нож, еще один нож меньших размеров обнаружен под правым крылом таза. Около кисти левой руки лежал кремьень, а около правого локтя – железный стержень (шило?) и кресало. Вокруг обеих ступней ног были найдены железные заклепки. У левого плеча находились кости животных (рис.8, 6).

– Нож с обломанной рукоятью, клиновидный в сечении. Д. лезвия – 6,5 см, Ш. – 1,4 см (рис.8, 7).

– Кресало калачевидной формы с высоко поднятыми загнутыми концами (один обломан). С внутренней стороны есть небольшой подтреугольный язычок. Д. кресала – 4 см, Ш. – 5 см (рис.8, 8).

– Отщеп кремня неправильной подтреугольной формы со следами ударов. Размеры 3,5x2,5 см (рис.8, 8a).

– Шило (?) с рукавом для насадки, подквадратным в сечении. Д. – 10 см, толщина – 0,8 см (рис.8, 9).

– Нож клиновидный в сечении. Д. лезвия – 13 см, Ш. – 2 см (рис.8, 10).

– Заклепки (14 шт.) железные грибовидной формы. Ø – 0,7 см, толщина – 0,4 см, толщина ножки – 0,15 см (рис.8, 11).

Погребение 38 находилось в западной части восточной группы могил. Дно могильной ямы зафиксировано на уровне 1,2 м от поверхности. Яма имела прямоугольную форму с закругленными углами, размерами 1,9x0,67 м, и была ориентирована по линии ЮЗЗ-СВВ. В ее заполнении встречались фрагменты деревянного перекрытия. Скелет взрослого человека лежал вытянуто на спине, головой на СВВ. Руки были вытянуты вдоль туловища. Левая кисть находилась под левым крылом таза. Слева от черепа была найдена бронзовая подвеска, которая лежала на тлене буро-коричневого цвета. Около левого плеча находились кости животных. Под правым крылом таза найдено 3 бронзовых бубенчика и стеклянная “уточка” (рис.13, 12).

– Подвеска бронзовая ромбовидной формы с загнутыми краями. Сделана из тонкой пластинки толщиной до 0,1 см. В верхней части есть круглая дужка с остатками железа в середине. С внутренней стороны остался кусочек кожи, который прикреплен к изделию двумя бронзовыми заклепками. Размеры подвески 2,2x2,3 см (рис.13, 9).

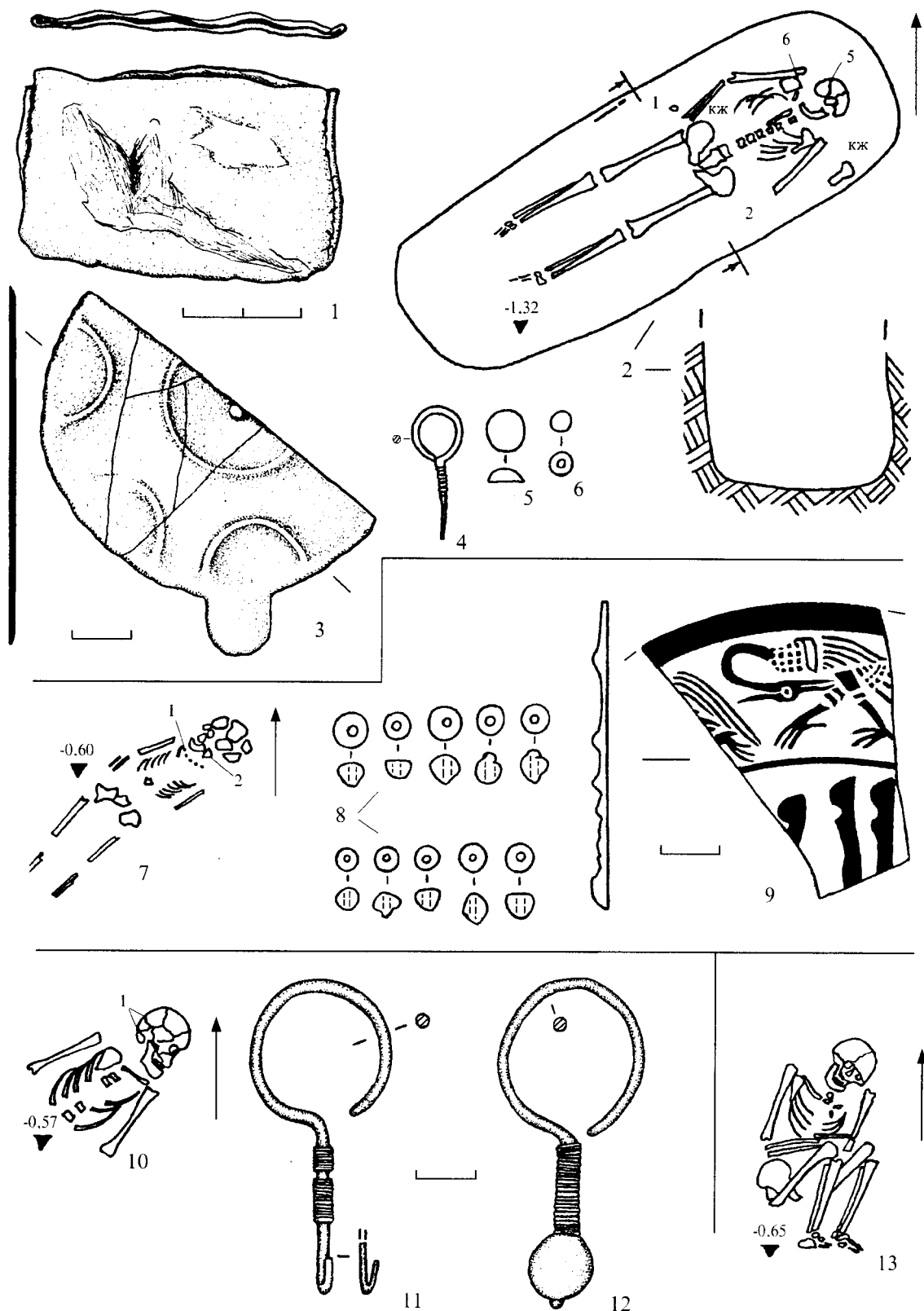

Рис. 6. Грунтовой могильник Ляпинская балка. 1-6 – погребение 31: 1 – футляр кожаный; 2 – план и разрез погребения; 3 – зеркало; 4 – серьга; 5 – вставка в перстень из стекла (?); 6 – бусина. 7-9 – погребение 3: 7 – план погребения; 8 – бусы стеклянные; 9 – зеркало (фрагмент). 10-12 – погребение 6: 10 – план погребения; 11-12 – серьги. 13 – погребение 23.

Fig. 6. Ground burial Lyapinskaya Balka. 1-6 – burial 31: 1 – leather case; 2 – burial plan and cross section; 3 – mirror; 4 – earring; 5 – glass ring insert (?); 6 – bead. 7-9 – burial 3: 7 – burial plan; 8 – glass beads; 9 – mirror (fragment). 10-12 – burial 6: 10 – burial plan; 11-12 – earrings. 13 – burial 23.

Abb. 6. Gräberfeld Steppenschlucht Ljapinskaja. 1-6 – Grab 31: 1 – Lederfutteral; 2 – Lageplan und Querschnitt der Bestattung; 3 – Spiegel; 4 – Ohrring; 5 – Glaseinlage in den Fingerring (?); 6 – Glasperle. 7-9 – Grab 3: 7 – Lageplan der Bestattung; 8 – Glasperlen; 9 – Spiegel (Bruchstück). 10-12 – Grab 6: 10 – Lageplan der Bestattung; 11-12 – Ohrringe. 13 – Grab 23.

Dess. 6. Nécropole au ras du sol creux de Lapino. 1-6 – tombeau 31: 1 – gaine en cuir; 2 – plan et section du tombeau; 3 – miroir; 4 – boucle d'oreille; 5 – enchâssement de bague en verroterie (?); 6 – perle. 7-9 – tombeau 3: 7 – plan du tombeau; 8 – perles en verroterie; 9 – miroir (fragment); 10-12 – tombeau 6: 10 – plan du tombeau; 11-12 – boucles d'oreille. 13 – tombeau 23

– Бусы (низка) состояли из нескольких видов. Три из них имели форму уточек. Уточка А (рис.13, 10а) сделана из стекла бело-серого цвета с зеленоватым оттенком. Имеет горизонтально сплюснутый хвостик, округлую грудку, круглую головку с намеченным носиком и глазами. Через голову книзу идет отверстие небольшого диаметра. Высота уточки – 0,9 см, Д. – 1,3 см (рис.13, 10). Уточка Б (рис.13, 10б) отличалась от первой только цветом стекла, из которого была изготовлена. Точно установить цвет трудно, так как поверхность предмета сильно окислена. Наиболее вероятно, что цвет бусины был или светло-зеленый или салатный. Еще одна уточка(?) (рис.13, 10в) сохранилась фрагментарно. Она была изготовлена из непрозрачного стекла желтоватого цвета с розовым отливом.

Две бусины из голубого стекла имели форму неправильных вытянутых цилиндров с огранкой (рис.13, 13). Среди набора выделяется девять мелких бусин, изготовленных при помощи навивки. Абсолютное большинство их сделано из желтовато-зеленого стекла и имеет неправильную форму, колеблющуюся от биконической до яйцеобразной с уплощенными основаниями. Из них одна бусина темная, что возможно обусловлено цветом ее стекла. Большинство бусин – перламутровые неправильно-шарообразной формы неодинаковых размеров (рис.13, 14).

– Бронзовые пуговицы-застежки (3 шт.) с округлым туловом и выделенными овальными петлями. Ø тулова – от 0,7-0,85 до 0,68-0,8 см (рис.13, 11).

Погребальный обряд

Внешние признаки погребений на некрополе отсутствовали, но в древности могилы, очевидно, как-то были обозначены, так как в их расположении наблюдается система: на обоих участках прослеживаются ряды, идущие вдоль длинной оси склонов. Случаев прямой стратиграфии между погребениями не зафиксировано. Более того, все они располагались друг от друга примерно на равных расстояниях, составляющих 3-4 м (рис.2).

Из 38 обнаруженных погребений к мужским по инвентарю можно отнести 7 (пп.2, 7, 12, 19, 25, 27, 37), к женским – 9 (пп.1, 4, 6, 8, 26, 28, 29, 31, 38). Детских – пять (пп.3, 22, 30, 35, 36). Остальные при отсутствии антропологических данных определить пока не представляется возможным. Кроме того, 2 комплекса (пп.1, 12) полностью разрушены во время строительных работ. Удалось собрать только инвентарь этих погребений.

Памятник визуально делится на 2 компактные группы могил – западную и восточную. При этом резко бросается в глаза их неравномерность. Восточная – гораздо более представительна.

Все захоронения по ориентировке умерших можно разделить на 4 группы. Самая многочисленная представлена погребениями, ориентированными на СВ (19). Это погребения: 3, 5-9, 11, 19, 25-29, 31, 32, 34-36, 38. Затем следует группа с западной ориентировкой (10): пп.2, 10, 13-15, 17, 22, 24, 33, 37. На СЗ ориентировано 3 умерших (пп.16, 18, 21). Остальные распределяются так: на В – 1 (п.4), СВВ – 1 (п.30), ЮЗЗ – 1 (п.20) и С – 1 (п.23).

Захороненные с ориентацией в восточный сектор (всего 21) ощущимо превышают по своему количеству комплексы с ориентировкой в западный сектор (14). В них сосредоточено явное большинство обнаруженного в могильнике инвентаря. Наиболее представительным по количеству и категориям вещей является погребение 7. Только три захоронения с восточной ориентировкой умерших (пп.5, 11, 30) не имеют сопроводительного инвентаря. В нескольких комплексах есть по 1-3 предмета.

Отсутствие или почти полное отсутствие вещей в ряде погребений с восточными ориентировками (пп.4, 5, 9, 11, 30, 32, 36) может свидетельствовать о том, что требования исламских норм (если они вообще имели место в погребальной обрядности относительно этой группы умерших) отражены в каждом конкретном случае индивидуально. В одних это могло проявляться в изменении некоторых прежних традиционных норм в организации пространства могильной ямы и положения умерших и приведения их в соответствие с особеннос-

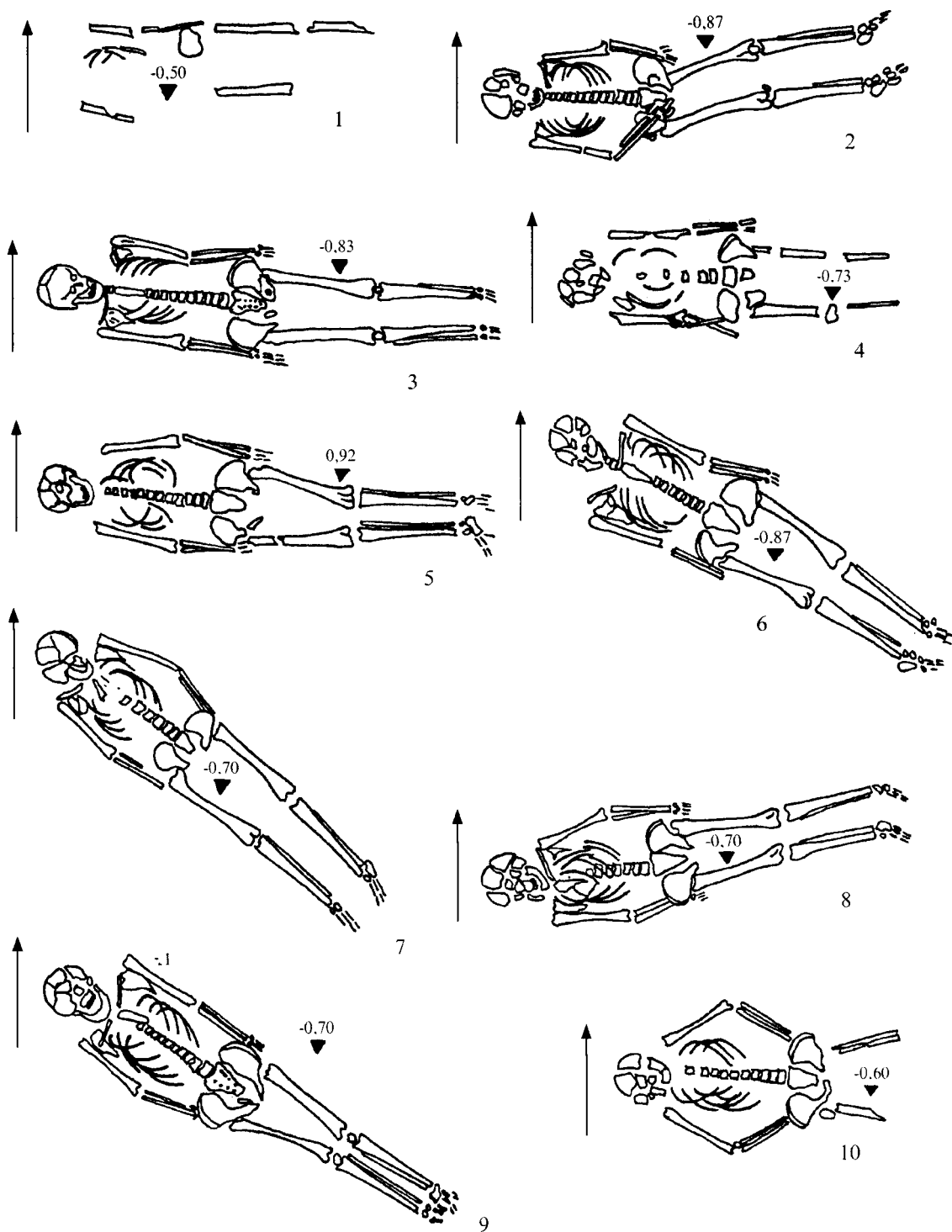

Рис. 7. Грунтовой могильник Ляпинская балка. 1 – погребение 10; 2 – погребение 13; 3 – погребение 14; 4 – погребение 17; 5 – погребение 15; 6 – погребение 16; 7 – погребение 18; 8 – погребение 20; 9 – погребение 21; 10 – погребение 24.

Fig. 7. Ground burial Lyapinskaya Balka. 1 – burial 10; 2 – burial 13; 3 – burial 14; 4 – burial 17; 5 – burial 15; 6 – burial 16; 7 – burial 18; 8 – burial 20; 9 – burial 21; 10 – burial 24.

Abb. 7. Gräberfeld Steppenschlucht Ljapinskaja. 1 – Grab 10; 2 – Grab 13; 3 – Grab 14; 4 – Grab 17; 5 – Grab 15; 6 – Grab 16; 7 – Grab 18; 8 – Grab 20; 9 – Grab 21; 10 – Grab 24.

Dess. 7. Nécropole au ras du sol creux de Lapino. 1 – tombeau 10; 2 – tombeau 13; 3 – tombeau 14; 4 – tombeau 17; 5 – tombeau 15; 6 – tombeau 16; 7 – tombeau 18; 8 – tombeau 20; 9 – tombeau 21; 10 – tombeau 24

тями внедрения ислама в сознание общины, оставившей данный могильник, а в других – в применении необходимых типов могильных ям или в устранении инвентаря. Иногда реализовывались сразу все указанные требования и, возможно, другие.

Погребения с инвентарем как с западной, так и восточной ориентировками есть в обеих частях могильника, тогда как с безынвентарными фиксируется иная ситуация. Подобные погребения с западной ориентировкой (за исключением разрушенного п.10, где теоретически также мог быть инвентарь, а ориентация, возможно, установлена ошибочно) сосредоточены исключительно в восточной части могильника. Так же обособленно выглядят и четыре захоронения в северной части западной группы могильника (пп.4, 5, 9, 11). Все они ориентированы в восточный сектор и то ли вообще не имеют инвентаря (пп.5, 11), то ли сопровождающие их вещи представлены единичными находками: серьгой (п.9) и бусиной (п.4). Относительно компактно размещены и детские погребения. Четыре из пяти устроены в южной части могильника (пп.3, 30, 35, 36) и только п.22 (возможно, это был ребенок более старшего возраста) находилось в северной.

Стоит отметить и два погребения, устроенных в самой северной (поздней) зоне восточной части могильника и с наших исследовательских позиций кажущихся как бы не на своем месте. Это п.32 с ориентировкой умершего на СВ, где обнаружен только один нож, и п.12 – полностью разрушенное с четырьмя предметами (нож, пряжка, кресало и кресальный кремь). Их расположение на “мусульманском” участке некрополя объяснить однозначно довольно сложно (такие случаи также известны и на других памятниках). Однако и просто назвать этот факт неким исключением из правил, в виду полного, на наш взгляд, отсутствия у древних такого понятия, как исключение, не хотелось бы. Закономерность в любом случае есть и, возможно, она скрывается за неутешительными событиями, связанными с последней фазой функционирования могильника, когда выполнять те или иные нормы обрядности становилось уже не настолько обязательным, как раньше. Какого-либо территориального размежевания могил по полу или другим признакам нам не удалось проследить.

Безынвентарные грунтовые погребения, входящие в могильники эпохи Золотой Орды, исследователями, обычно, определяются как мусульманские. При выявлении особенностей такой обрядности погребенных, в частности, и могильников, в це-

лом, их этническая атрибуция является наиболее проблематичной частью. Проблема усиливается еще и тем, что западная ориентировка погребенных и некоторые позиции рук и ног как обязательное требование мусульманской обрядности, нередко оказывается лишь совпадением старых (языческих) этнических традиций с канонами ислама или нормами христианства (Евглевский А.В., 1990, с.134). Многообещающим компонентом исследования в таких случаях всегда будет анализ антропологического материала. Однако для могильника Ляпинская балка его привлечение пока находится в плоскости перспективы. Если еще учесть, что не сохранились формы надмогильных сооружений, а погребальные конструкции представляют из себя простые ямы или вообще не прослеживаются, то в таких условиях нам остается лишь анализировать способ трупоположения умерших.

К числу погребений могильника, устроенных с чертами мусульманского обряда (не путать с ортодоксальной обрядностью), в первую очередь, относим 11 безынвентарных комплексов с ориентацией умерших в западный сектор (пп.10, 13-18, 20, 21, 24, 33). Оговоримся, что в одном погребении (п.21) у левого плеча умершего были обнаружены фрагменты свинцового (?) изделия непонятной формы и назначения, которые трудно интерпретировать как инвентарь, и, к тому же, фрагменты могли попасть в могилу с помощью землеройных животных. Поэтому мы сочли возможным отнести это захоронение к мусульманскому кругу. Кроме некоторого различия в ориентировках умерших, возможно, связанных с сезонными отклонениями, положения скелетов, в целом, едины: ноги во всех случаях вытянуты, но лишь в пяти они сближены в коленях, что, видимо, свидетельствует о пеленании умерших перед захоронением (пп.14, 15, 16, 20, 21); руки в четырех случаях (пп.14-17) также вытянуты и плотно прижаты к туловищу; у 7 из 11 погребенных одна или обе руки в разной степени согнуты в локтях. В тех случаях, где хорошо определяется позиция лица умерших, они направлены вверх (пп.13-15, 21). У двух погребенных лица повернуты вправо, т.е. к югу (пп.20, 24). В трех погребениях (пп.16-18) ориентацию лица установить невозможно. Выясняя мусульманские признаки в обрядности погребенных в Ляпинской балке, отметим, что среди позиций умерших нет такой языческой черты, как укладка рук на поясе, трактуемая исследователями как отклонения от нормы, и отмечаемая даже, на хорошо известных могильниках. Нет в позициях

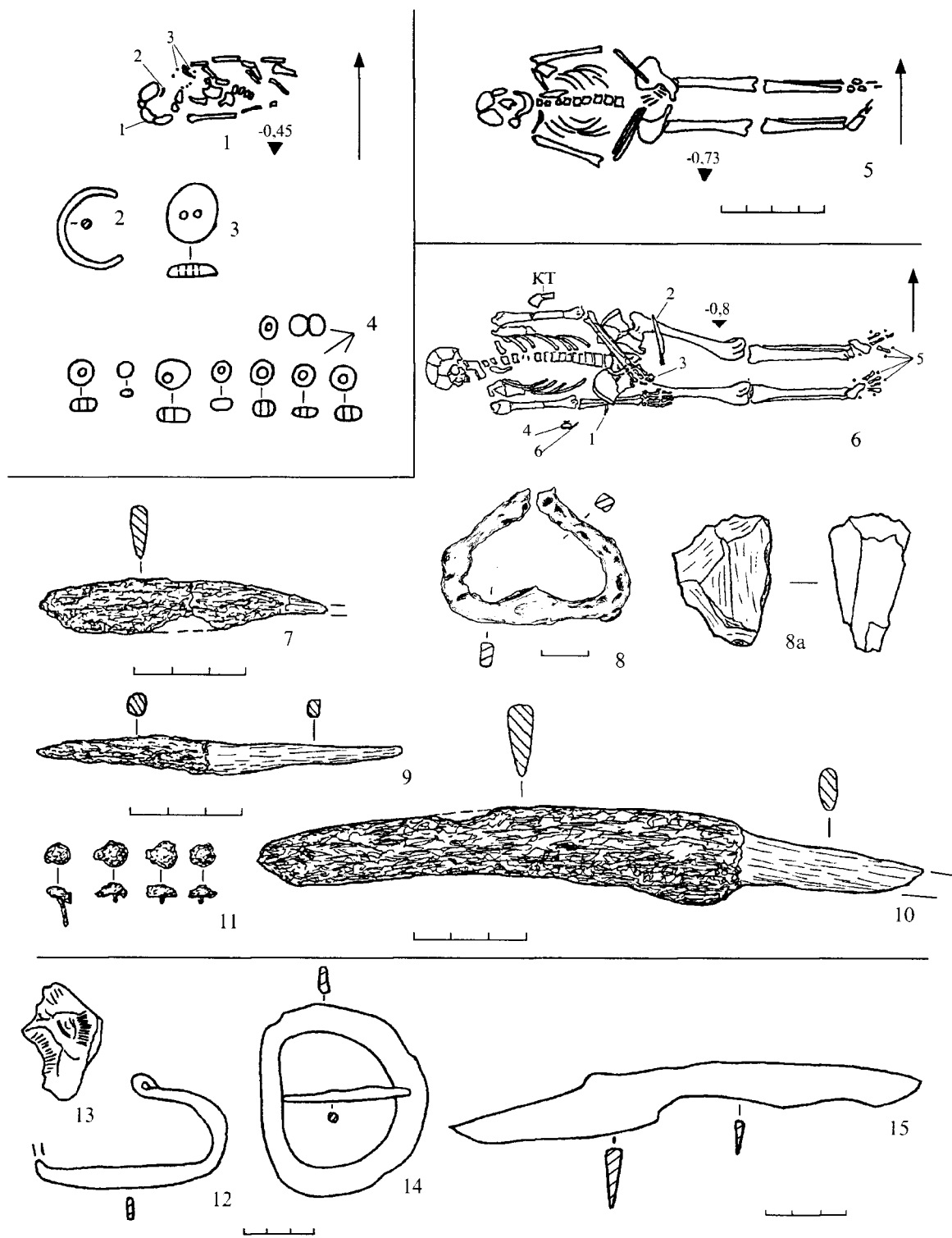

Рис. 8. Грунтовой могильник Ляпинская балка. 1-4 – погребение 22: 1 – план погребения; 2 – серьга медная; 3 – пуговица стеклянная; 4 – бусы стеклянные. 5 – погребение 33. 6-11 – погребение 37: 6 – план погребения; 7 – нож (фрагмент); 8 – кресало; 8а – кремь; 9 – шило; 10 – нож; 11 – заклепки железные. 12-15 – вещи из разрушенного погребения 12: 12 – кресало; 13 – кремь; 14 – пряжка поясная; 15 – нож.

Fig. 8. Ground burial Lyapinskaya Balka. 1-4 – burial 22: 1 – burial plan; 2 – copper earring; 3 – glass button; 4 – glass beads. 5 – burial 33. 6-11 – burial 37: 6 – burial layout; 7 – knife (fragment); 8 – steel for striking sparks from flint and 8a – flint; 9 – awl; 10 – knife; 11 – iron rivets. 12-15 – objects from the destroyed burial 12: 12 – steel for striking sparks from flint; 13 – flint; 14 – belt buckle; 15 – knife.

Abb. 8. Gräberfeld Steppenschlucht Ljapinskaja. 1-4 – Grab 22: 1 – Lageplan der Bestattung; 2 – Kupferner Ohrring; 3 – Knopf aus Glas; 4 – Glasperlen. 5 – Grab 33. 6-11 – Grab 37: 6 – Lageplan der Bestattung; 7 – Messer (Bruchstück); 8 – Schlagfeuerzeug; 8a – Feuerstein; 9 – Ahle; 10 – Messer; 11 – Eisennieten. 12-15 – Funde aus dem ausgeraubten Grab 12: 12 – Schlagfeuerzeug; 13 – Feuerstein; 14 – Gürtelschnalle; 15 – Messer.

Dess. 8. Nécropole au ras du sol creux de Lapino. 1-4 – tombeau 22: 1 – plan du tombeau; 2 – boucle d'oreille en argent; 3 – bouton en pâte de verroterie; 4 – collier en pâte. 5 – tombeau 33. 6-11 – tombeau 37: 6 – plan du tombeau; 7 – couteau (fragment); 8 – briquet; 8a – silex; 9 – alêne; 10 – couteau; 11 – rivet en fer. 12-15 – objets trouvés dans le tombeau ruiné 12: 12 – briquet; 13 – silex; 14 – fibule de ceinture; 15 – couteau

всех 11 рассматриваемых погребенных и завала на правый бок, свойственного для ортодоксальной мусульманской обрядности.

К числу погребений с чертами мусульманской обрядности с большой степенью вероятности можно отнести и п.37, где, кстати, представлен небольшой набор инвентаря (кресало и кремь к нему, два ножа, шило, заклепки от обуви). Умерший мужчина: 1) ориентирован головой на запад; 2) лицом к югу (на кыблу); 3) правая рука согнута, а левая, согнутая в локте, диагонально пересекая таз лежит на правом бедре. Эти признаки полностью согласуются с признанной Е.А.Халиковой вариативностью реконструированного ею мусульманского обряда Волжской Болгарии (Халикова Е.А., 1986). Что касается вещей, то совершенно прав И.Л.Измайлов, который напоминает, что “запрета на положение вещей в могилу нет ни в хадисах, ни в шариате, ни в поздних установлениях и трактовках. Это как бы подразумевается само собой. Все дело в том, что умерший мусульманин должен быть погребен в специальной одежде (или завернут в саван), что предполагает, как правило, отсутствие деталей одежды, бытовых вещей и даже украшений. Как правило, но не как категорический запрет. При этом надо учитывать, что с точки зрения мусульман вещи не были “нечистыми” и не могли осквернить могилы” (Изложение начал..., 1850, с.70-71; цит.: Измайлов И.Л., 2001, с.64). Указанный блок признаков п.37, характеризующих мусульманскую обрядность, полностью сводит на нет значение наличия в могиле вещей.

Близкие позиции захороненных в могильнике Ляпинская балка в большом количестве зафиксированы на многих грунтовых могильниках. Но упомянем лишь один из наиболее показательных, с точки зрения интересующей нас так называемой переходной обрядности, имеющей место в публикуемом могильнике, – некрополь у городища Верхний Джулат. Во всех 10 исследованных там могил, размещенных **в мечети и рядом с ней**, умершие лежат вытянуто на спине и ориентированы головами на З. Что же касается направленности лиц у последних, то, в

отличие от погребенных из могильника Ляпинская балка, они во всех случаях устремлены на Ю, т.е. на кыблу (Милорадович О.В., 1963, с.82). Погребения, размещенные в столь святом месте, каким является мечеть, где умершие уложены на спине, т.е. не по ортодоксальной мусульманской норме, говорят сами за себя. Такие захоронения в средневековую эпоху не исчерпываются приведенным примерам и требуют, конечно же, особого рассмотрения, но это тема отдельного исследования.

Обрядность сопоставленных могильников невольно приводит нас к заключению о непоследовательности и постепенности (хотя и весьма кратковременной) конфессиональных перемен на ранних стадиях этого процесса, где наиболее диагностическим показателем является ориентировка человека на кыблу. Очевидно в происходившей религиозной переориентации оседающих кочевников не предусматривалось какой-то экстренной (коренной) ломки старых традиционных верований. Другими словами, на материалах могильника Ляпинская балка мы видим не только переходные черты от одной обрядности к другой, но, в известной степени, и процесс органичного, мирного проникновения мусульманских канонов в языческую среду, что невольно приводило к некоей промусульманской религиозной форме вероисповедания. Две совершенно разнородные группы захоронений с разной обрядностью и целый ряд “промежуточных” (переходных) форм, если, конечно, последнее есть результат именно влияния ислама, а не какого-то иного процесса, “вытеснявшего” старые языческие традиции (схожего, например, с угасанием курганного обряда в позднекочевнической среде), сосуществовали в жизни поселка недолго. Все вместе они смогли вместиться в довольно краткий промежуток времени функционирования могильника, что уже само по себе свидетельствует о непрестом процессе мировоззренческих перемен.

Рядом находящиеся погребения с ортодоксальным мусульманским обрядом и могилы с языческими чертами мы находим и на многих других грунтовых могильниках золотоордынской эпохи. В

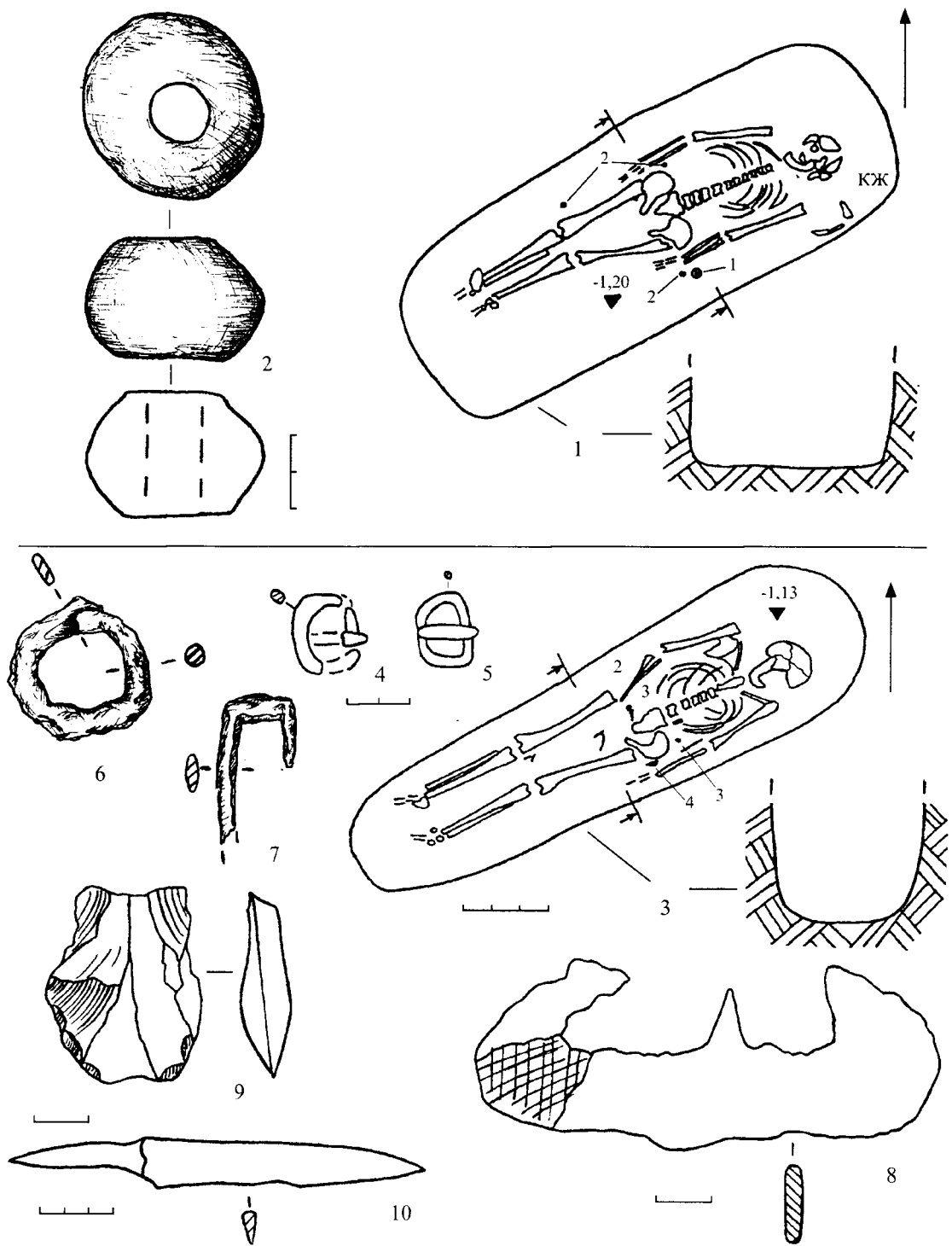

Рис. 9. Грунтовой могильник Ляпинская балка. 1-2 – погребение 25: 1 – план и разрез погребения; 2 – булава железная; 3-10 – погребение 27: 3 – план и разрез погребения; 4-5 – пряжки железные; 6 – кольцо железное; 7 – рамка от пряжки; 8 – кресало; 9 – кремь для кресала; 10 – нож.

Fig. 9. Ground burial Lyapinskaya Balka. 1-2 – burial 25: 1 – burial plan and cross section; 2 – iron mace; 3-10 – burial 27: 3 – burial plan and cross section; 4-5 – iron buckles; 6 – iron ring; 7 – buckle frame; 8 – steel for striking sparks; 9 – flint; 10 – knife.

Abb. 9. Gräberfeld Steppenschlucht Ljapinskaja. 1-2 – Grab 25: 1 – Lageplan und Querschnitt der Bestattung; 2 – Eisenkeule; 3-10 – Grab 27: 3 – Lageplan und Querschnitt der Bestattung; 4-5 – Eisenspangen; 6 – Eisenring; 7 – Metallrahmen vom Schnellriemen; 8 – Schlagfeuerzeug; 9 – Feuerstein; 10 – Messer.

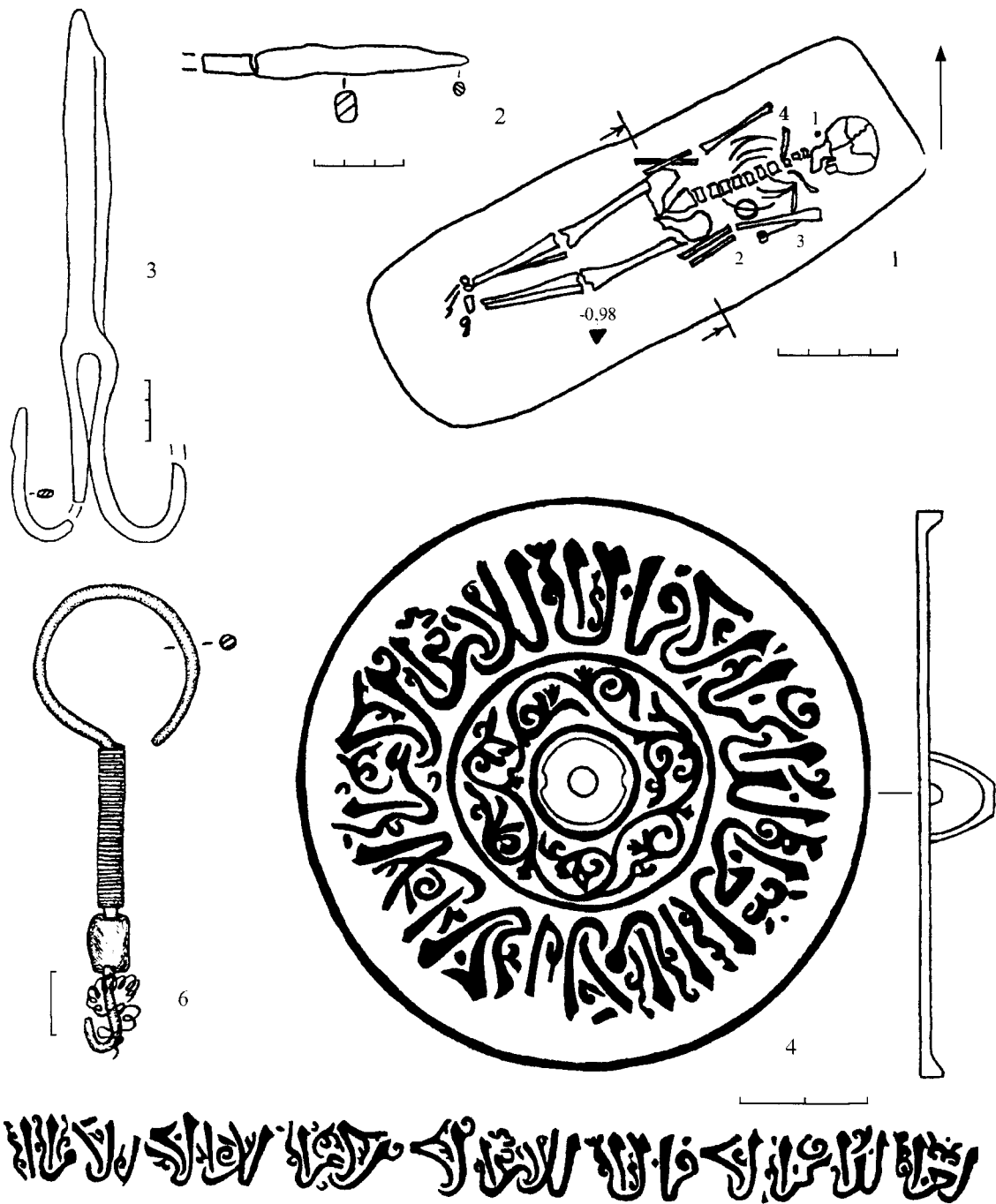
Dess. 9. Nécropole au ras du sol creux de Lapino. 1-2 tombeau 25: 1 – plan et section du tombeau; 2 – massue en fer; 3-10 – tombeau 27: 3 – plan et section du tombeau; 4-5 – fibules en fer; 6 – anneau en fer; 7 – encadrement de fibule; 8 – briquet; 9 – silex pour le briquet; 10 – couteau

частности, на мусульманском некрополе Селитренного городища раскопаны 2 погребения с ориентировкой умерших на восток; у некоторых других языческие черты проявляются в обращении лица вверх; в трех случаях при погребенных обнаружены вещи: две монеты, две височные подвески, бусы (Яблонский Л.Т., 1978, с.182). Подобные языческие “отклонения” Л.Т.Яблонский объясняет “некоторой слабостью мусульманизации населения Золотой Орды даже в ее столице” (Яблонский Л.Т., 1978, с.182). В целом соглашаясь с этим мнением, уточним, что речь, на наш взгляд, должна идти не столько о слабости пропаганды ислама и его внедрения в этом государстве (чему противоречит, например, большое количество культовых построек), сколько как о той или иной фазе его становления и характере распространения. Данный процесс в Золотой Орде шел на государственном уровне и по нарастающей, (в рамках всего Улуса Джучи, а не в отдельно взятом населенном пункте или этнокультурной группы), хотя и относительно долго. Всевозможные же черты языческого происхождения в погребальном обряде могильников – это следствие естественного процесса перехода с одной мировоззренческой платформы на другую, а каждое погребение на таких смешанных могильниках следует рассматривать индивидуально, устанавливая для них, прежде всего, хронологические позиции. Ведь совершенно очевидно, что процесс исламизации, особенно в условиях широких степных просторов, не мог на своих ранних стадиях полностью и равномерно поглотить старый менталитет, традиции, правила, нормы. Должно было пройти время, чтобы все унифицировалось под воздействием единого канона, причем такие переходные этапы для каждой этнокультурной группы протекали, в силу многих причин, различно. Практически также мыслит и И.Р.Газимзянов, который пишет, что варибельность на раннемусульманских могильниках следует объяснять многокомпонентностью происхождения тех или иных обрядовых групп и разных культурных традиций (Газимзянов И.Р., 2001, с.135).

Таким образом, утверждение Е.А.Халиковой, что всевозможные отклонения от норм ортодоксальной мусульманской обрядности не могут на полном основании находиться в рамках последней (Халикова Е.А., 1978, с.208), мы принять не можем. Не согласны мы и с мнением Г.М.Давлетшина, который пишет, что “ислам в Улусе Джучи, особенно

в кочевых степях, распространялся долго, с большим трудом. Поэтому среди кочевников он укрепился лишь силовыми методами” (Давлетшин Г.М., 2001, с.129). Необходимо видеть разницу между процессом постепенной смены вероисповедания (отказ от веры, конечно же, был очень болезненным) и силовыми методами распространения ислама. Относительно легко и быстро сменить ее могла лишь верхушка Золотой Орды, но не массы населения Степи с особенностями его консервативной народной культуры. Об этом может косвенно свидетельствовать история принятия иудаизма в Хазарском Каганате. Необходимо определиться и относительно самого термина “отклонение” в контексте погребального обряда. Отклонения можно понимать и как пережитки язычества, и как варианты мусульманской обрядности на разных стадиях ее распространения и в разных условиях. Для широких слоев языческого населения Степи ислам, видимо, в большей степени, лишь рекомендовался, внедрялся, поощрялся и стимулировался, чем навязывался. Не требует доказательств и то, что процесс исламизации в городах шел значительно интенсивнее, последовательнее и строже, чем в Степи. Это и объясняет то, что мусульманские могильники городов представляют из себя совсем иное явление, нежели затерянные в степи небольшие поселковые могильники. Следование веяниям ислама в глухой сельской местности, находящейся вдалеке от крупных очагов распространения ислама, чем-то напоминает чеканку в провинции монет – подражаний центральному выпуску. Такие монеты нередко имели: небрежный внешний вид, нарушение веса и каллиграфии, грамматические ошибки. В целом же, распространение ислама в Улусе Джучи, рассматривалось ханами, в первую очередь, с геополитических целей, а не идеологических. Отсюда, а также по целому ряду других причин, археологически зафиксирована непоследовательность и поверхностность внедрявшихся норм ислама.

Сказать наверняка о том, оставлен ли могильник Ляпинская балка двумя или большим количеством этнокультурных групп – значит сделать поспешный вывод. Мы не знаем, какой был до исламизации предыдущий погребальный обряд той группы населения, которая оставила погребения, ориентированные в западный сектор. Поэтому мы не можем говорить о едином этнокультурном кол-

5

Рис. 10. Грунтовой могильник Ляпинская балка. 1-6 – погребение 26: 1 – план погребения; 2 – шило; 3 – ножницы; 4 – зеркало; 5 – развертка надписи на зеркале; 6 – серьга (медная?).

Fig. 10. Ground burial Lyapinskaya Balka. 1-6 – burial 26: 1 – burial plan; 2 – awl; 3 – scissors; 4 – mirror; 5 – mirror inscription display; 6 – (copper?) earring.

Abb. 10. Gräberfeld Steppenschlucht Ljapinskaja. 1-6 – Grab 26: 1 – Lageplan der Bestattung; 2 – Ahle; 3 – Schere; 4 – Spiegel; 5 – Spiegelbild der Aufschrift; 6 – Ohrring (Kupfer?).

Dess. 10. Nécropole au ras du sol creux de Lapino. 1-6 – tombeau 26: 1 – plan du tombeau; 2 – alêne; 3 – ciseaux; 4 – miroir; 5 – décriptage de l'inscription sur le miroir; 6 – boucle d'oreille (en cuivre ?)

лективе, устроившем могильник, как и полностью отрицать это. Если мы предположим, что в поселке параллельно функционировала принципиально разная погребальная обрядность, то тогда необходимо учитывать как минимум три версии. Первая – возможно, на близлежащем от могильника поселении проживали разные этносы; вторая – следствие разных социальных групп; третья – внутри этнически однородного коллектива существовали разные мировоззренческие языческие традиции, корнями уходящие в глубь веков. Если же эти факторы в тех или иных пропорциях и комбинациях имели место одновременно (что нам представляется наиболее приемлемой версией), то тогда мнение А.О.Добролюбского о том, что единообразии золотоордынского обряда на том или ином могильнике является якобы отражением единоэтничности (Добролюбский А.О., 1985, с.91), принять никак нельзя. Единообразие обряда грунтовых могильников золотоордынского времени – это, как правило, лишь следствие какого-то социокультурного процесса, а причины – разные. Каковы были доисламские черты обрядности у того или иного коллектива, оставившего погребения данного могильника, установить, как мы уже указывали выше, довольно не просто. От того, каким было содержание (мировоззренческая нагрузка) этих признаков, мог зависеть и характер изменений, происходивших под воздействием исламизации.

Вовсе не означает, что в унифицированной обрядности не было вариаций. Наоборот, местные природные условия, социальная неоднородность, этнокультурные традиции, откуда, как и с каким содержанием шло проникновение ислама в Степь, конечно же, накладывали свой отпечаток на погребальную обрядность. Поэтому какая-то единая схема унифицирования обряда, как, например, упомянутая модель А.О.Добролюбского, вряд ли может быть приемлема для более полного считывания информации из источника.

В обрядности могильника Ляпинская балка осталось рассмотреть погребение человека с сильной степенью скорченности (п.23). Поиск аналогий такому погребению затруднен тем, что нередко исследователи позу на спине с сильной скорченностью ног непреднамеренно не разделяют с погребенными в сидячем положении. Поэтому нам трудно, например, понять, что имел в виду Ф.В.Баллод, который охарактеризовал погребение сидящего мужчины, обнаруженного в золотоордынском Уеке: "... положение мощного костяка совершенно определено указывает на погребение в сидячем положении в нише в северо-западном конце могильной ямы..." (Баллод Ф.В., 1923, с. 22). Упомянем и единственное погребение сильно скорченного человека из огромного грунтового могильника Мамай-Сур-

ка (п.31) (Ельников М.В., 2000, с.48). Подобные примеры можно было бы продолжить.

Анализ погребального инвентаря

Несмотря на то, что из 38 погребений могильника лишь половина представлена сопровождающим инвентарем, тем не менее на памятнике обнаружен, кроме обычных, ряд уникальных для грунтовых могильников золотоордынского времени Юго-Восточной Европы вещей.

Удила. Только в одном погребении (п.7), где представлен наиболее многочисленный и разнообразный инвентарь, обнаружены предметы конского снаряжения – стремяна и удила, свидетельствующие о еще недавнем кочевом образе жизни умершего. В удилах, из-за плохой сохранности, отметить что-то специфическое трудно. Датировка определяется в довольно широких хронологических рамках: X-XIV вв.

Стремена. К сожалению, приходится констатировать, что к началу подготовки материалов могильника к публикации, стремяна сильно расслоились. Поэтому по фрагментам одного из них сделан рисунок-схема (рис.5, 13), а второе нам удалось воспроизвести, очевидно, без особых искажений (рис.5, 14). Несмотря на плохую сохранность стремян, их можно отнести к родственным типам. Первое (рис.5, 13) имеет более архаичный облик.

Поскольку у обоих стремян подножки относительно широкие (соответственно 5,5 и 5,6 см), а форма верхней части дужки одного из них достаточно округлая, то их с большой долей вероятности можно считать типично золотоордынскими вещами. Первое стремя (рис.5, 13) с некоторой натяжкой можно отнести к типу Е1. В известной классификации Г.А.Федорова-Давыдова такому типу стремени, как на рис.5, 14 (кстати, судя по нашим архивным данным, являющегося в этот период в восточноевропейских степях одним из наиболее распространенных), типологического места не нашлось. Наиболее близким ему можно считать тип Е1 (по Г.А.Федорову-Давыдову) с характерной для ляпинского экземпляра округлой верхней частью дужки и широкой подножкой, а также Е11, у которого практически идентична округлая форма верхней и боковых дужек. Таким образом, стремяна из могильника Ляпинская балка логично разместить между двумя упомянутыми типами по классификации Г.А.Федорова-Давыдова (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.12). Кстати, все приведенные ученым аналогии относятся к XIV в., что довольно показательно, так как нередко типы стремян, близкие к Е1 и Е11, исследователи ошибочно относят не только к XII-XIII вв., но даже к XI в.

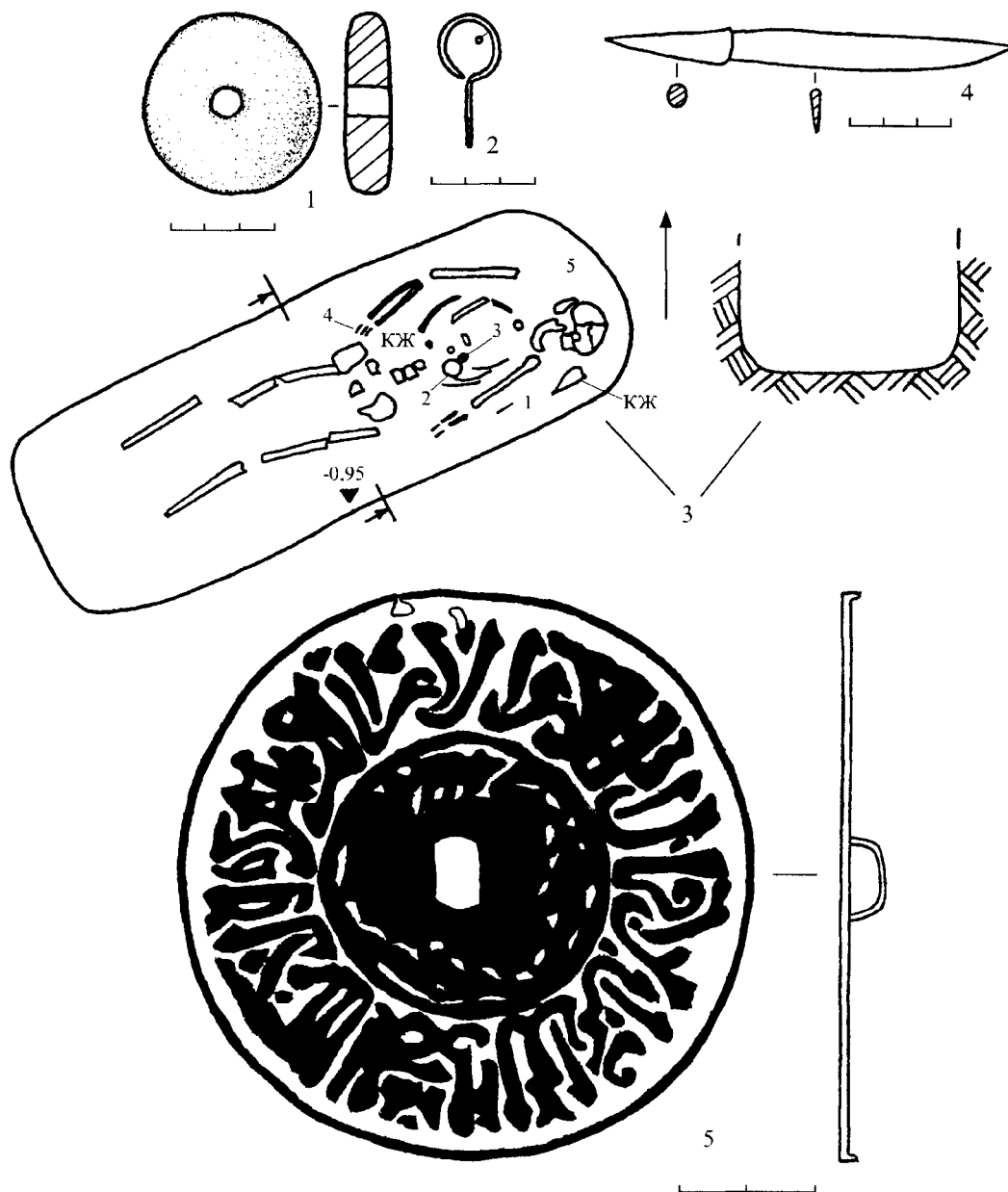

Рис. 11. Грунтовой могильник Ляпинская балка. 1-5 – погребение 28: 1 – пряслице; 2 – серьга; 3 – план и разрез погребения; 4 – нож; 5 – зеркало.

Fig. 11. Ground burial Lyapinskaya Balka. 1-5 – burial 28: 1 – distaff; 2 – earring; 3 – burial plan and cross section; 4 – knife; 5 – mirror.

Abb. 11. Gräberfeld Steppenschlucht Ljapinskaja. 1-5 – Grab 28: 1 – Handrädchen; 2 – Ohrring; 3 – Lageplan und Querschnitt der Bestattung; 4 – Messer; 5 – Spiegel.

Dess. 11. Nécropole au ras du sol creux de Lapino. 1-5 – tombeau 28: 1 – engin à filer; 2 – boucle d'oreille; 3 – plan et section du tombeau; 4 – couteau; 5 – miroir

Лук. Остатки луков в археологических памятниках – чрезвычайно редкая находка. Чаще всего из-за крайне неудовлетворительного состояния о них практически ничего нельзя сказать. Так же обстоит дело и с луком из Ляпинской балки (п.7). Отсутствие в погребении каких-либо костяных или металлических деталей от него (сохранился лишь деревянный тлен) позволяет считать его простым луком.

В 60 гг. XX в. Г.А.Федоров-Давыдов отмечал, что простой лук в погребениях поздних кочевников не зафиксирован (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.25). Возможно, с тех пор такие находки стали известны, однако, мы об этом можем утвердительно говорить лишь только относительно экземпляра из Ляпинской балки.

Колчан. Костяные и реже металлические детали (дерево и кожа практически никогда не сохраняется), сохранившиеся от колчанов, – относительно частая находка в подкурганых позднекочевнических памятниках. В грунтовых могильниках они встречаются несравненно реже.

Колчан из п.7, по-видимому, был изготовлен из двух слоев плотной бересты и имел деревянное или берестяное днище (круглое или овальное). Обнаруженные рядом с колчаном два железных кольца, очевидно, являлись деталями его крепления. Мы полагаем, что внутрь колчана по всей его длине вставлялась деревянная планка, к которой приклепывались упомянутые железные кольца. Предназначалась такая конструкция для подвешивания колчана к поясу или через плечо на перекидном ремне.

Укладку колчана на правой ноге погребенного, возможно, следует понимать так, что он носился воином с правой стороны, тогда как лук, в таком случае, должен быть подвешен слева. Для удобства пользования колчаном в бою его могли подвешивать на ремне через левое плечо так, чтобы он находился с правого бока, карманом на уровне локтя (Медведев А.Ф., 1966, с.22).

Наконечники стрел. В могильнике они обнаружены в 3 погребениях (п.2 – рис.3, 11; п.19 – рис.4, 11; п.7 – рис.5, 2). В двух комплексах их местонахождение известно: в п.7 – найден в колчане, лежащем на правой ноге; в п.2 – под кистью левой руки. В п.19, частично разрушенном, положение наконечника напротив правой плечевой кости, возможно, следует считать не *in situ*. Два железных бронебойных наконечника (пп.7 и 19) типичны для позднезолотоордынского времени, а в раннезолотоордынский период они встречаются несравненно реже. Воин, защищенный панцирем, распространение которых в Восточной Европе М.В.Горелик совершенно верно увязывает с золотоордынским временем (Горелик М.В., 1983), был все же уязвим, если в него попадали стрелой с таким наконечником.

Крайне интересен кремневый наконечник из п.2; он заполирован, что может свидетельствовать о долгом его ношении в сумке вместе с прочими предметами. Возможно, он был задействован в комплексе в качестве оберега. В любом случае нахождение кремневого наконечника стрелы в погребении эпохи развитого средневековья привлекает к себе особое внимание.

Навершия булав (боевые гири). Эти предметы вооружения в памятниках золотоордынского времени встречаются довольно редко. В могильнике Ляпинская балка навершия булав (их еще можно назвать боевыми гириями) обнаружены дважды (пп.19, 25), а оригинальность этих находок предопределило наше повышенное к ним внимание. В обрядности обоих погребений много общего: во-первых, они расположены в одной (восточной) части могильника; во-вторых, погребения ориентированы идентично – на СВ; в-третьих, они весьма бедны по инвентарю (2 и 4 предмета соответственно); в-четвертых, навершия булав были обнаружены у пояса, хотя и с разных сторон погребенных.

Подавляющее большинство наверший булав обнаружено на Северном Кавказе. Они, а также большая группа другого ударного (родственного булавам) оружия, совсем недавно были опубликованы Е.И.Нарожным и Д.Ю.Чаккиевым (Нарожный Е.И., Чаккиев Д.Ю., 2003, с.126-127, рис.1, 2).

Один экземпляр из Ленинохабльского могильника в Адыгее весьма схож с булавой из п.25 (рис.9, 2), хотя последняя более приземистой формы и не с такими сильно округленными боками, как ленинохабльская (Тарабанов В.А., 1984). Близкий экземпляр приведен в упомянутой публикации Е.И.Нарожного и Д.Ю.Чаккиева, только непонятно, где он обнаружен: в могильнике “Мохде” или в Эгикальском склеповом могильнике. Предмет имел железный гвоздь для крепления с древком (Нарожный Е.И., Чаккиев Д.Ю., 2003, с.144, рис.2, 2).

Еще одно навершие близкого типа происходит из Поволжья, но оно имеет гораздо более выраженные острые боковые грани (Федоров-Давыдов Г.А., 1994).

Второму навершию булавы из могильника Ляпинская балка (п.19, рис.4, 12) близок экземпляр в виде уплощенного шара из Эгикальского склепового могильника. Правда, это навершие несколько большего диаметра и с гораздо более округлыми боками (Нарожный Е.И., Чаккиев Д.Ю., 2003, рис.2, 6).

Предмет (Ø – 3,7 см, Н – 2,8 см, Ø отверстий: на входе – 0,9 см, на выходе – 0,6 см), происходящий из заполнения помещения 5 салтово-маяцкого слоя городища Сидорово, практически идентичен навершию из п.25 не только по своим параметрам и конфигурации, но и сильной степенью корродированности (Кравченко Э.Е., 2002, рис.18,

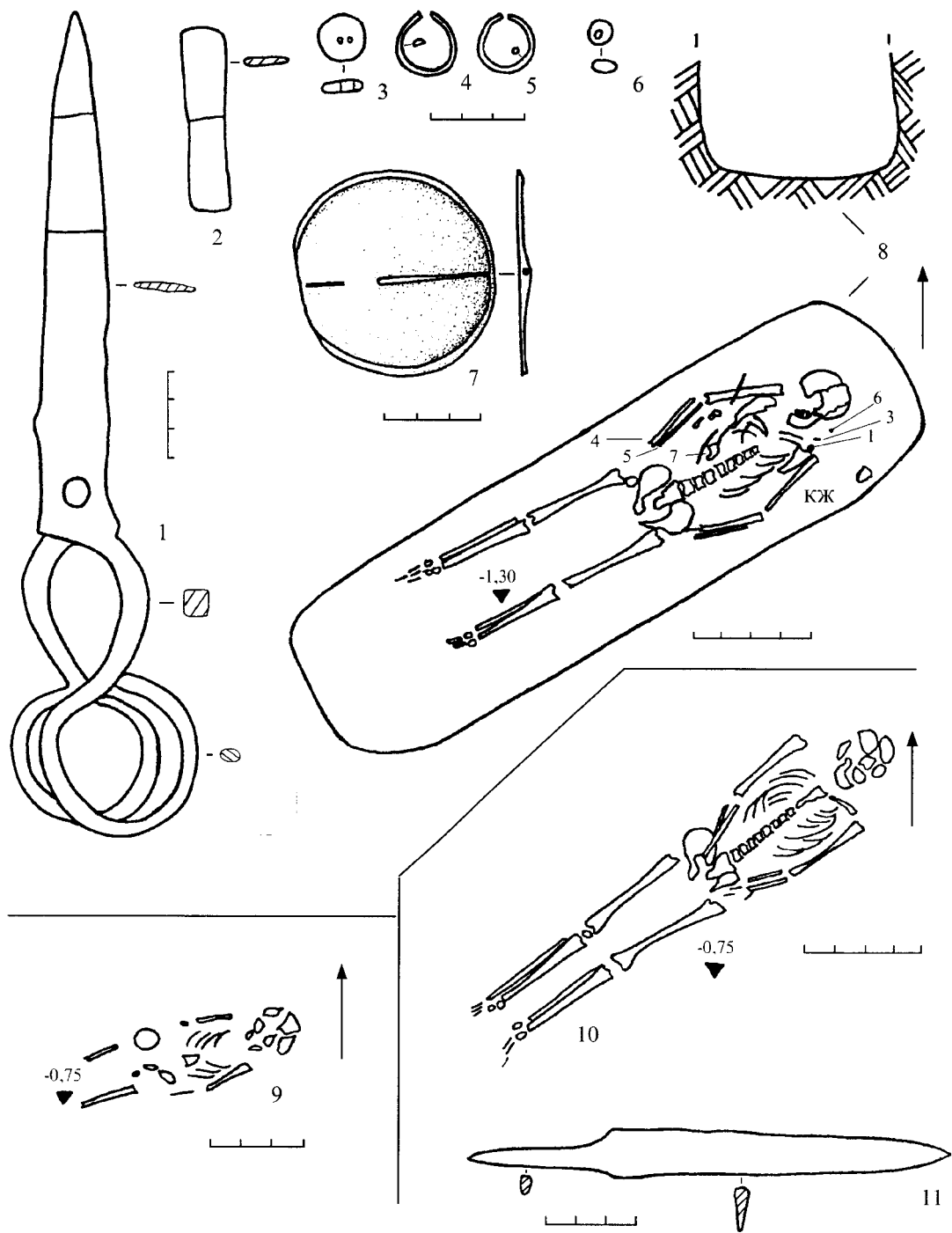

Рис. 12. Грунтовой могильник Ляпинская балка. 1-8 – погребение 29: 1 – ножницы; 2 – пластина железная; 3 – пуговица стеклянная; 4-5 – кольца серебряные (?); 6 – бусина стеклянная; 7 – зеркало; 8 – план и разрез погребения. 9 – погребение 30. 10-11 – погребение 32: 10 – план погребения; 11 – нож.

Fig. 12. Ground burial Lyapinskaya Balka. 1-8 – burial 29: 1 – scissors; 2 – iron plate; 3 – glass button; 4-5 – silver (?) rings; 6 – glass bead; 7 – mirror; 8 – burial plan and cross section. 9 – burial 30. 10-11 – burial 32: 10 – burial plan; 11 – knife.

Abb. 12. Gräberfeld Steppenschlucht Ljapinskaja. 1-8 – Grab 29: 1 – Schere; 2 – Eisenplatte; 3 – Glasknopf; 4-5 – Silberringe (?); 6 – Glasperle; 7 – Spiegel; 8 – Lageplan und Querschnitt der Bestattung. 9 – Grab 30. 10-11 – Grab 32: 10 – Lageplan der Bestattung; 11 – Messer.

Dess. 12. Nécropole au ras du sol creux de Lapino. 1-8 – tombeau 29: 1 – ciseaux; 2 – plaque en fer; 3 – bouton en verroterie; 4-5 – anneaux en argent (?); 6 – perle en pâte de verroterie; 7 – miroir; 8 – plan et section du tombeau. 9 – tombeau 30. 10-11 – tombeau 32: 10 – plan du tombeau; 11 – couteau

3). Невольно напрашивается мысль, что эти две вещи могли быть сделаны в единых производственных традициях, и, если бы не относительно большое расстояние между местами находок, и не совершенно разные эпохи, то версия о происхождении их из одной мастерской выглядела бы вполне убедительно.

Очень близкая аналогия булаве из п.19 происходит из числа случайных находок, обнаруженных на Царином городище (с.Маяки) в среднем течении р.Северский Донец. Место находки этой булавы локализуется на золотоордынском участке городища, где материалы ранее 2-й пол.XIV в. не встречаются. Параметры царинского навершия таковы: Ø – 4,7 см, Н – 3,6 см, Ø отверстия – 1,9 см (Фонды Славянского краеведческого музея Донецкой области. Шифр КСМ 14952/а-487) (Фонды Славянского краеведческого музея Донецкой области. Шифр СКМ 14952/а-487).

Находка булавы, подобной навершию из п.19, известна в подкурганном погребении знатного кочевника у с.Родионовка 3/1, четко датирующимся джучидскими монетами сер.XIV в. Она отличалась от изделия в Ляпинской балке лишь несколько большими размерами (Ø – 5,2 см, Н – 4 см, Ø отверстий: на входе – 2,0 см, на выходе – 1,7 см). У родионовской булавы сохранилась деревянная рукоять длиной 88 см, а также железный четырехгранный гвоздь, служивший клином, соединяющим рукоять и навершие (Кубышев А.И. и др., 1982).

В связи с упоминанием последней находки отметим, что если она, без всяких сомнений, использовалась как боевое оружие, то оба предмета из Ляпинской балки так трактовать с полной уверенностью нельзя, поскольку они имели значительно меньшую массу, чем родионовская булава, и внешне выглядят совершенно невнушительно (высота по 3 см, диаметр – 4 и 4,7 см). Хотя обращает на себя внимание диаметр отверстия для древка, который равен у изучаемых наверший соответственно 1,6 и 2,0 см. Это означает, что если у этих булав были древки, то они, очевидно, имели (пропорционально массе) несколько меньшую длину, чем родионовская, т.е. примерно 60 см (п.25) и 70 см (п.19). Естественно, ощутило меньшей была и убойная сила ляпинских булав. Нельзя исключать и того, что древков у этих наверший не было. Тогда навершие могло подвешиваться на ремне или цепи и служить боевой гирей. Последнее предположение косвенно

укрепляет мнение, высказанное Д.Ю.Чаккиевым, С.А.Головановым, Е.И.Нарожным. Они пишут, что булавы могли применяться и в качестве метательного оружия. В боевой обстановке они были одинаково удобны как пешим, так и конным воинам (Чаккиев Д.Ю., 1986, с.73). В любом случае отмеченные для булав и др. параметры из могильника Ляпинская балка были вполне подходящими для того, чтобы применять эти предметы в бою. Другое дело, в каком конкретно сражении их логично было использовать, точнее говоря, против какой экипировки противника такое оружие будет эффективно. Ясно, что тяжело вооруженного воина им не одолеть, но против легко оснащенного и даже “средней” защищенности противника такие булавы (гири) вполне могли быть применены.

К XV в. этот вид оружия, не успев в полной мере занять свое место в арсенале кочевников, выходит из боевого назначения. “Подобные предметы начинают превращаться в своего рода символы социальной иерархии, становятся почетным оружием, что, впрочем, было характерно и для территории Руси, а еще позднее – для казачьих образований Северного Кавказа, сохранивших булавы именно в таком значении” (Науменко В.Е., Фролов Б.Е., 2001; цит. по: Нарожный Е.И., 2003, с.137). Косвенно об указанной тенденции может свидетельствовать то, что в булавах из Ляпинской балки отсутствуют железные гвозди или другие приспособления, которые скрепляли бы навершия с рукоятями. То есть булавы, в принципе, могли быть положены в погребения в качестве символа. Другими словами, эти предметы, может быть, совсем недавно утратили свою первоначальную (боевую) функцию и теперь, возможно, лишь напоминали о былой военной службе умершего. Если древние мыслили примерно так, как мы сейчас, то в таком случае булавам необходимо было придать соответствующий облик, например, повредить или положить в несвойственное для предмета место в могиле, или “организовать” с их участием некую комбинацию вещей. Впрочем такого рода “преобразования” вещей в погребальном обряде не исчерпываются приведенными формами. Другое дело, что в условиях угасания позднекочевнического курганного обряда во 2-й пол.XIV в., когда, кстати, всевозможные преобразования вещей были и гораздо более выражены, и разнообразнее, чем в грунтовых могильниках, та-

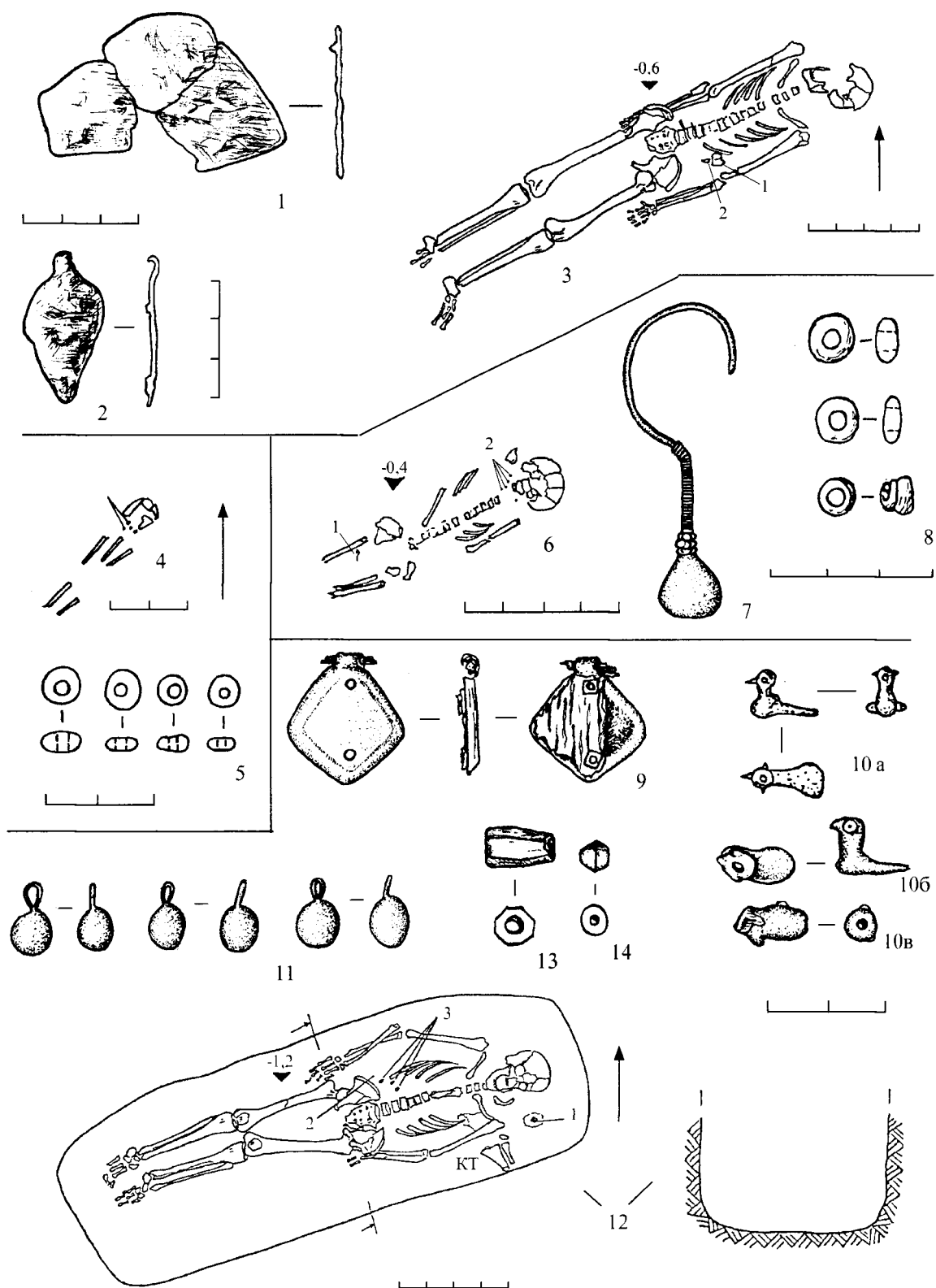

Рис. 13. Грунтовой могильник Ляпинская балка. 1-3 – погребение 34: 1 – пластина железная; 2 – застежка железная; 3 – план погребения. 4-5 – погребение 36: 4 – план погребения; 5 – бусины стеклянные. 6-8 – погребение 35: 6 – план погребения; 7 – серьга; 8 – бусины стеклянные. 9-14 – погребение 38: 9

– подвеска бронзовая; 10а-в – фигурки в виде уток из пасты; 11 – бубенчики бронзовые; 12 – план и разрез погребения; 13 – бусина стеклянная; 14 – бусина перламутровая.

Fig. 13. Ground burial Lyapinskaya Balka. 1-3 – burial 34: 1 – iron plate; 2 – iron clasp; 3 – burial plan. 4-5 – burial 36: 4 – burial plan; 5 – glass beads. 6-8 – burial 35: 6 – burial plan; 7 – earring; 8 – glass beads. 9-14 – burial 38: 9 – bronze pendant; 10a-в – paste figurines in the form of ducks; 11 – bronze little bells; 12 – burial plan and cross section; 13 – glass bead; 14 – pearl bead.

Abb. 13. Gräberfeld Steppenschlucht Ljapinskaja. 1-3 – Grab 34: 1 – Eisenplatte; 2 – Eisenspange; 3 – Lageplan der Bestattung. 4-5 – Grab 36: 4 – Lageplan der Bestattung; 5 – Glasperlen. 6-8 – Grab 35: 6 – Lageplan der Bestattung; 7 – Ohrring; 8 – Glasperlen. 9-14 – Grab 38: 9 – Gehänge aus Bronze; 10a-в – Figuren in der Form von Wildenten aus Glaspaste; 11 – Schelle aus Bronze; 12 – Lageplan und Querschnitt der Bestattung; 13 – Glasperlen; 14 – Perlmutterperlen.

Dess. 13. Nécropole au ras du sol creux de Lapino. 1-3 – tombeau 34: 1 – plaque en fer; 2 – fibule en fer; 3 – plan du tombeau. 4-5 – tombeau 36: 4 – plan du tombeau; 5 – perles en verroterie. 6-8 – tombeau 35: 6 – plan du tombeau; 7 – boucle d'oreille; 8 – perles en pâte. 9-14 – tombeau 38: 9 – pendentif en bronze; 10a-в – figurines en pâte de verre sous forme de canards; 11 – clochettes en bronze; 12 – plan et section du tombeau; 13 – perle en verroterie; 14 – perle

кие черты функционирования вещей не всегда в достаточной степени археологически уловимы.

Что касается места изготовления ляпинских наверший булав, то их весьма несовершенные формы, обработка и качество металла означает, что они, вероятнее всего, производились в не очень развитом ремесленном месте. Таковым могло быть небольшое поселение Ляпинская балка, исследованное недалеко от могильника (материалы поселения опубликованы в данном сборнике).

Анализируя навершия булав, нельзя обойти стороной вопрос об их терминологии. Нередко из-за своих небольших размеров они атрибутируются исследователями как кистени. С этим вряд ли стоит соглашаться, так как кистени от булав отличаются, прежде всего, наличием у них петли для крепления к ремешкам или цепям. Если их все же отнести к особому виду кистеней, не имеющих петель, в таком случае крепежным устройством должно было бы служить что-то заменяющее. Так, на одном конце соединительного стержня, вставленного в отверстие навершия, все равно необходима будет какая-то петля, а на другом – нечто похожее на шляпку, которая не давала бы навершию двигаться. Однако подобные конструкции в развитом средневековье европейской Степи нам не известны. Фиксацию навершия с рукоятью с помощью ремня, просто продетого через отверстие, как это, например, сказано в статье А.В.Комара и О.В.Сухобокова (Комар А.В., Сухобоков О.В., 2000), конечно же, нельзя исключать, но эффективность такого безметаллического крепления была бы явно ниже. Во время удара ремень будет перетираться, а какая-либо кожаная петля, которая бы фиксировала навершие, может сыграть нежелательную амортизирующую роль. Или в свою фразу “просто подвешивались на ремешке” [подчеркнуто нами – А.Е., В.К.] упомянутые исследователи внесли другой смысл?

В связи с атрибуцией подобного рода вещей встает и следующий вопрос. Все возможные типы

кистеней, как собственно и булавы, шестоперы, перначи, брусы, боласы, чеканы, буздыханы и другие типы ударного оружия, естественно, изготавливались исключительно из тяжелых твердых материалов (камень, чугун, железо и бронза), позволяющих нанести противнику силовой поражающий удар. Когда же кистенями или булавами называют предметы, похожие на них, но изготовленные из кости, рога и дерева, то это, по меньшей мере, просто не вяжется с их функцией. Их следует считать навершиями рукоятей плетей, посохов, жезлов и, возможно, иных вещей. Таким предметам, относящимся к различным культурным пластам древней и средневековой эпох, посвящены целые разделы в монографиях и специальные статьи.

Пластины от кожаного панциря. Это довольно редкие находки для грунтовых могильников; несколько чаще они встречаются в подкурганых кочевнических погребениях позднезолотоордынское времени. Своеобразным подтверждением этому (хотя по отношению к очень далекому от Северо-Восточного Приазовья региона) может служить мнение известного оружейоведа Ю.С.Худякова, который указывает, что пластины от кожаного панциря “в синхронных памятниках за пределами Минусинской котловины на сопредельных территориях нам не известны” (Худяков Ю.С., 1980, с.125). Такие пластины известны из материалов, происходящих, в основном, с территорий, находящихся далеко на востоке от интересующего нас региона. Совершенно идентичные нашим найдены в упомянутой Минусинской котловине (Абазы, Белый Яр). У Ю.С.Худякова они значатся как пластины 3 типа пластинчатого доспеха (Худяков Ю.С., 1980, с.121, табл.XLI). Судя по тому, что ляпинские пластины имеют всего по две заклепки, смещенные к одному из краев, то они, исходя из реконструкции Ю.С.Худякова, крепились к боковой части панциря, под плечом (Худяков Ю.С., 1980, с.118, табл.XXXIX; с.125, табл.XLIII).

Панцирь из Абазы автором находки А.Н.Липским был датирован X-XIV вв. (Худяков Ю.С., 1980, с.125), что является очень широкой датировкой, которая позволяет предполагать их длительное бытование в Сибирском регионе. В то же время в одной из своих работ М.В.Горелик отмечает, что Ю.С.Худяков (Худяков Ю.С., 1980, с.125) относит комплекс из Абазы к XII-XIII вв. (Горелик М.В., 1983, с.251). Однако Ю.С.Худяков ни на с.125, ни на других страницах в своей статье, такой более узкой даты, чем у А.Н.Липского, не дает. Сам же М.В.Горелик, опираясь на некоторые данные Я.И.Сунчугашева (Сунчугашев Я.И., 1979, с.133-134), относит этот памятник к XIII-XIV вв. (Горелик М.В., 1983, с.252). Несмотря на, очевидно, совершенно случайную получившуюся хронологическую путаницу, датировка М.В.Горелика не вызывает сомнения, поскольку из комплекса Абазы происходит чугунный котел, характерный именно для этого периода, что хорошо известно по литературе. В отмеченной статье М.В.Гореликом приведены такие же пластины, происходящие из Абакана, а также Крыма или Северного Кавказа (депаспортизированы), хранящиеся в Государственном Эрмитаже. Их датировка – кон.XIV – XV в. – вряд ли может вызывать сомнения (Горелик М.В., 1983, с.252, 255).

Находка панцирных пластин из Ляпинской балки – новое подтверждение тому, что в самом кон.XIV – XV в. кольчуга в степной полосе Восточной Европы, как и на Руси, уступила место панцирю. Так, еще в 1959 г. А.Ф.Медведев писал, что в Новгороде в слоях XIV-XV вв. на 9 остатков пластинчатых доспехов приходится 1 обрывок кольчуги (Медведев А.Ф., 1959, с.173-175, 178-180). А одновременные слои в Пскове содержали только панцирные пластины (Кирпичников А.Н., 1971, с.16). Такое соотношение панцирей и кольчуг не является исключением и для памятников поздних кочевников. Но еще в сер.XIV в. ситуация была совсем иная, когда даже в очень богатых по инвентарю комплексах умершие, без сомнения, весьма знатного происхождения были одеты в кольчугу, кстати, гораздо менее дорогую, чем панцирь.

Хорошей сохранности пластинчатый доспех, принадлежащий кочевнику позднезолотоордынского времени, обнаружен и в одном из курганов у с.Джангала (Западно-Казахстанская обл.). Пластинки этого панциря имели отверстия с боков и по верхнему ровному краю (Синицын И.В, 1956).

Пластина неясного назначения. В.п.34 (рис.13, 1) найдена еще одна фрагментированная железная пластина неясного назначения. Но, учитывая, что это – женское погребение, то пластина, на которой сохранилась заклепка, вероятно, была задействована в составе какого-то женского украшения.

Мини-сумочка. Сумочки, подобные обнаруженной в п.31, иногда встречаются в погребениях поздних кочевников, однако из-за того, что они изготавливались из кожи или ткани (или в их сочетании), то сохраняющиеся к моменту раскопок остатки, как правило, оказывались крайне непригодными для описания форм.

Кожаная сумочка 10x8 см с отворотом почти до середины высоты была найдена в кочевническом погребении XIV в. у с.Семенкин 16/1 на р.Сал (Ларенок В.А., 1992, с.180, рис.11, 4). Похожая по форме сумочка, но несколько большего размера, приведена у Г.А.Федорова-Давыдова. Как и сумка из Ляпинской балки, она имела отворот, но не по всей высоте, а лишь до середины (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, рис.12, 7, с.86). Исследователь отмечал, что четырехугольные кожаные, но большие сумки известны среди материалов Нового Сарая XIV в. (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.86). Кстати, среди материалов кочевников Поволжья вообще оказалось большинство таких находок. Такого типа мини-сумки нам пока не известны в памятниках, датирующихся раньше, чем XIV в.

Кресала. В могильнике обнаружено 4 кресала. Среди них 3 калачевидных: с заостренным язычком (п.27), с закругленным (п.37) и без язычка (п.12), а также удлинненно-овальное (п.7). Такое количество кресал для грунтовых могильников – ощутимый показатель, так как больше (5 экз.) было найдено только в огромном могильнике Мамай-Сурка, расположенном на берегу Каховского водохранилища (Нижний Днепр). Другое дело, подкурганное погребение кочевников, где эта категория инвентаря встречается довольно часто. Так, на 2000 г. нам было известно 293 погребения с этой вещью, что составляет 13% от общего количества комплексов номадов (Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 2000, с.183).

Калачевидные кресала из могильника Ляпинская балка относятся к двум вариантам: с язычком (п.27, рис.9, 6; п.37, рис.8, 8) и без язычка (п.7, рис.8, 12). У кресала из п.27 концы несомкнуты, прямые и заострены (рис.9, 6), а у экземпляра из п.37 концы высоко подняты и утолщены (рис.8, 8). Язычок у кресала из п.27 треугольный, высокий и узкий (рис.9, 6), а у экземпляра из п.37 он – приземистый, представляющий из себя плавный дуговидный бугорок. Примечательно, что эти два экземпляра (если их типологически раздробить на варианты), хотя довольно длительное время сосуществовали, тем не менее в крайних их хронологических границ несколько расходятся. В то время как кресала, подобные экземпляру из п.27, бытовали достаточно долго, то кресала, близкие экземпляру из п.37, только начинали распространяться. И наоборот, когда первые уже стали выходить из употребления, вторые находились на пике распространения. Основания у

таких кресал в местах перехода в концы имеют высокий округлый подъем. Сами концы высоко подняты, сближены между собой и всегда загнуты во внешние стороны. Язычки у кресал массивные, нередко заостренные на вершине, чаще высокие. Одно из таких кресал обнаружено в Яблуневке (Поросье) в погребении из кургана 53 (Покас П.М., Стародуб А.В., 1991, рис.39). Аналогии кресалам этого варианта самые многочисленные в эпоху развитого средневековья. Они были распространены «на территории Центральной, Северной и Восточной Европы, в Азии проникли до Забайкалья и Приамурья. Время их бытования очень широкое. ... Кресала этого варианта часто встречаются в погребениях поздних кочевников (Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 2000, с.183, 185).

В доступных нам материалах грунтовых некрополей удалось обнаружить только одно калачевидное кресало с подтреугольным (узким) язычком. Оно происходит из могильника Мамай-Сурка (п.711) (Ельников М.В., 2000, рис.6, 10). Однако следует оговориться, что это кресало, равно как и два ляпинских экземпляра, хотя и относятся к типу калачевидных кресал, но как варианты все три заметно различаются между собой. Концы у кресала из Мамай-Сурки изогнуты так, что вплотную примыкают к язычку, образуя петли. Такая форма несколько напоминает букву «В». Правда рисунок этого кресала выполнен настолько непрофессионально, что наличие у него язычка мы можем, исходя из известных нам аналогий, только предположить. Именно присутствие во всех этих случаях у В-образных кресал язычков позволяет нам провести такое сравнение.

Третье калачевидное кресало без язычка из п.12 (рис.8, 12), вообще, оказалось единственным среди материалов грунтовых могильников, хотя безрезультативность поисков аналогий нас несколько удивила. Дело в том, что этот вариант калачевидных кресал, судя по подкурганам памятникам (13 экз.), был распространен только в золотоордынское время (Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 1996, с.41; 2000, с.185), и поэтому в «инвентарных» грунтовых погребениях этого времени такие находки вполне логичны и ожидаемы.

Завершая обзор калачевидных кресал, необходимо сказать, что датировка последних в литературе не выносится за пределы позже, чем XIII в. Более того, исследователи склонны причислять этот тип в число тех, которые, на их взгляд, отражают именно материальную культуру X-XI вв., что является серьезной ошибкой. Следовательно, это не может не влиять на датировку многих изучаемых памятников. Видимо, настало время для более тщательного анализа всех формообразующих элементов этих вещей. Пора использовать и развивать дальше уже

давно имеющиеся данные лабораторных анализов на предмет их химического состава, что, на наш взгляд, представляет собой весьма перспективное направление изучения кресал. А пока при датировках памятников с такими находками надо быть предельно осторожными, в полной мере используя другие вещи, а также особенности погребального обряда.

Удлиненно-овальное кресало (п.7) имеет для степей Восточной Европы те же хронологические рамки бытования, что и рассмотренный предыдущий вариант калачевидных кресал, т.е. 2-я пол.XIII – XIV в. (Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 1996; 2000, с.195). Аналогия этому кресалу в грунтовых могильниках нашлась только в п.921 могильника Мамай-Сурка (Ельников М.В., 2000, рис.6, 9). А вот в курганных захоронениях кочевников удлиненно-овальные кресала встречаются гораздо чаще (13 экз.). Их концентрация по непонятным пока причинам приходится (в отличие от всех остальных типов кресал) на относительно небольшой регион – Нижний Дон, к которому территориально примыкает Северо-Восточное Приазовье, точнее устье Кальмиуса, где и расположен могильник Ляпинская балка (см. карту-схему: Евглевский А.В., Потемкина Т.М., 2000).

Ножи. В 8 погребениях (пп.2, 12, 19, 27, 28, 29, 32, 37 (2 экз.)) могильника найдено 9 ножей. В 5 случаях они входили в состав инвентаря мужских погребений, в 2 – женских (п.28, 29), а для п.32 у нас нет необходимых данных для определения половой принадлежности умершего. Все ножи, за исключением одного, совершенно расщепившегося (из п.29), разнотипные, но объединяются небольшими размерами, что позволяет отнести их к категории бытовых. Подобные ножи, как известно, относятся к числу наиболее распространенных находок для всех культур эпохи железа. Они преобладают не только в составе инвентаря погребальных памятников, но и часто встречаются на поселениях.

Четыре ножа из пп.19, 27, 28, 32 – универсально-бытовые. К данной группе ножей они относятся в виду своей главной формообразующей особенности (соотношение лезвия и черенка рукояти). Конец лезвия у них лежит на оси, проведенной через черешок, или слегка возвышается над ней, что позволяет ножам этого типа быть полифункциональными. Спинка у таких ножей ровная или почти ровная. Угол между осью черешка и спинкой ножа, как правило, не превышает 13°. Размеры их различны, но в целом, универсально-бытовые ножи уступают по своим параметрам некоторым специальным видам, например, охотничьим и боевым. Лезвия универсально-бытовых ножей имеют разнообразно оформленный переход к черешку, но у всех экземпляров из могильника Ляпинская балка он имеет

уступчики, как со стороны спинки, так и со стороны лезвия. Эта конструктивная особенность ножей, как считает Л.Л.Савченкова, не связана ни с их специализацией, ни с хронологией (Савченкова Л.Л., 1996, с.28). У ножей из п.27 (рис.9, 10) и п.32 (рис.12, 11) черешок переходит в лезвие относительно плавно. У ножа из п.19 хорошо выраженные уступы оформлены с обеих сторон (рис.4, 14). Также два уступа есть и у ножа из п.28, но у последнего они устроены таким образом, что выглядят несколько шире, чем лезвие у основания (рис.11, 4). Таких ножей, как в п.28, нам не известно в грунтовых могильниках, а в подкурганых захоронениях из-за большого количества имеющихся у нас памятников поздних кочевников их поиск еще не завершен. Датировать универсально-бытовые ножи практически невозможно, настолько размыты и широки их хронологические рамки, далеко выходящие за пределы средневековой эпохи.

К числу специальных относятся четыре ножа из публикуемого могильника. Три из них (п.12, рис.8, 15; п.37 (2 экз.), рис.8, 7, 10) – столярные и, очевидно, предназначены для резьбы по дереву (Савченкова Л.Л., 1996, с.29). Однако между собой они отличаются по устройству лезвия относительно черешка. У обоих экземпляров из п.37 – конец лезвия опущен ниже черешка; спинки у них, равно как и у ножа из п.12, горбатые. Такие ножи в подкурганых погребениях и в грунтовых могильниках дозолотоордынского времени нам неизвестны. Следовательно, на материале некрополя Ляпинская балка такой тип ножей в рамках позднекочевнической культуры до основательного просмотра источников, логично датировать не ранее XIII в. К XIV в. относятся близкие им по форме ножи из Болгара, кстати, выделенные Л.Л.Савченковой в отдельный тип. Она пишет, что четыре ножа были найдены в золотоордынском слое XIV в., а один – в раннем домонгольском слое X–XI вв. (Савченкова Л.Л., 1996, с.29).

Четвертый нож из числа специальных, обнаруженных в могильнике Ляпинская балка, функционально не ясен (п.2, рис.3, 13). Возможно, это – бритва, и если это так, то тогда край лезвия у нее частично обломан.

Что касается могильника Мамай-Сурка, к вещевым аналогиям которого мы намерены в данной статье и дальше регулярно обращаться, то здесь следует отметить, что по имеющимся у нас на 1999 г. данным, там, среди почти тысячи погребений, было обнаружено всего лишь 8 ножей. Примечательно еще то, что все целые экземпляры (5) ножей из Мамай-Сурки относятся к числу универсально-бытовых.

Шилья. Эти бытовые предметы, как правило, не привлекают к себе внимания исследователей, что,

в общем-то, не удивительно, так как данная категория вещевого мира практически не поддается какой-либо развернутой систематизации.

В могильнике Ляпинская балка шилья встречены дважды (п.26 – рис.10, 2; п.37 – рис. 8, 9). Шилья в памятниках, оставленных поздними кочевниками, встречаются, преимущественно, в золотоордынское время, причем чаще в грунтовых могильниках.

Если находка шила в мужском погребении (п.37) логична, то в женском погребении (п.26) это – не совсем обычное явление. Подробно не останавливаясь на объяснении этого, можно сказать, что роль таких, не свойственных половозрастным данным погребенных предметов (а находение шила в женском погребении – это как раз тот самый случай), в семиотическом аспекте получала дополнительное усиление. Какое именно – это особая тема, уводящая в сторону от задач публикации материалов могильника. Кроме того, расположение шила в п.26 у правой ключицы, а в п.37 у правого локтя (не на своих местах) также требует специального осмысления.

Плошка. В могильнике обнаружена одна бронзовая плошка (п.7, рис.5, б). Подобные предметы, изготовленные из железа или бронзы, нередко встречаются в кочевнических погребениях позднезолотоордынского времени. Практически все известные нам находки выполнены “на скорую руку”. Изготавливались они чаще всего из металлического диска, края которого иногда слегка загибались вовнутрь. Возможно, таким образом крепилась какая-то внутренняя, очевидно, деревянная обкладка. Прогнутый центр таких чашечек в некоторых случаях имел утолщения с целью установления их на ровную поверхность. Впрочем, конструкции и формы, как и способы изготовления этих предметов, были самыми разнообразными, и подвергнуть их какой-либо упорядоченной классификации довольно трудно.

Назначение плошек, очевидно, было самым различным. В одних случаях они могли служить емкостью для еды или, скажем, питья кумыса. В других – в них могли что-то подогревать (необязательно съестное). О последнем предположении свидетельствует экземпляр, обнаруженный в погребении Кировский-IV, 12/1 на Нижнем Дону, где дно укованной бронзовой плошки было покрыто сажей (Ильюков Л.С., 1981).

Довольно непрезентабельный вид плошек, сделанных грубо и часто имеющих следы ремонта, породил у отдельных исследователей мнение, что эти вещи были сугубо ритуальными. Отрицать, в принципе, такой взгляд до их специального изучения было бы явно поспешно. В то же время они были, как нам представляется, не более культовыми, чем

остальные вещи, обнаруживаемые в погребальных комплексах. Другое дело, что каждый предмет выполнял свою функцию в могильной яме. Вряд ли эту функцию можно назвать вторичной по отношению к изначальному назначению вещи. Положенные в погребение вещи сразу же начинали исполнять свою новую роль, где их предыдущее “прижизненное” назначение не актуализировалось. Определять их как сутобо погребальные, т.е. специально изготовленные для этой цели, нет никаких оснований, поскольку практически все находки плоских (известные нам), судя по данным отчетов и публикаций, несли следы их эксплуатации в бытовой сфере. Частичное же изменение у некоторых плоских формы с помощью надрезов и других действий, если и считать их культовыми операциями (хотя это, скорее, было сделано в процессе изготовления вещей), – лишь способ реорганизации предмета, как, например, это было в случаях с распрямлением шейных гривен в позднекочевнических погребениях XII–XIV вв. (Евглевский А.В., 1998, с.141–156). Но если гривен до погребального ритуала в распрямленном виде не существовало, то плоски, судя по этнографическим данным, а также в силу приведенных выше фактов, функционировали.

Относительно плоски из Ляпинской балки приведенные выше размышления нельзя считать достаточными. Рваные края и дыры в дне трудно совместимы с ее использованием в быту. Мало этого, ручка прикреплена так, что не может выдержать даже малой нагрузки.

Рыболовные снасти. Лишь в одном погребении (п.2, рис.3, 6, 9, 10) обнаружен набор таких предметов. В его состав вошли: рыболовный крючок, поплавок (?) и пряжка-регулятор натяжения поводка. Нахождение в погребении данного комплекта, очевидно, свидетельствует о возросшем значении у жителей поселка рыбного промысла, который в отличие от кочевников-скотоводов, очевидно, стал для них постоянным занятием. По нашему мнению, набор рыболовной снасти и пряжице, найденные в могильнике, косвенно свидетельствуют о становлении у оставившей могильник общины оседлого образа жизни.

Пряжице. К числу бытовых предметов принадлежат пряжице. В могильнике Ляпинская балка найдена всего одна такая вещь (п.28, рис.11, 1).

В других золотоордынских грунтовых могильниках полуоседлых кочевников они нам не известны, включая довольно представительный (83 погребения) Каменский могильник на р.Конке (Северное Приазовье). Исключением является только Мамай-Сурка, где по данным на 1999 г. обнаружено 6 пряжиц в 4 комплексах (пп. 477, 548, 777, 831) и среди подъемного материала этого же могильника (2 экз.).

Примечательно, что находки пряжиц в погребальных памятниках с широко датирующимся средневековым инвентарем и невыразительным обрядом, исследователями, нередко, отождествляются с салтово-маяцкой культурой, поскольку именно для этих памятников они весьма характерны.

Пуговицы. Пуговицы, найденные в погребениях могильника, делятся на 2 группы: шаровидные (3 экз. – п.38) и плоские (3 экз. – пп.2, 22, 29). Шаровидные, изготовленные из бронзы, чрезвычайно широко распространены в средневековых памятниках и не имеют твердой даты; аналогии им в позднекочевнической культуре, равно, как и в последующее время, вплоть до XVIII в., просто “бесчисленны”.

Костяные полусферические пуговицы типа той, что найдена в п.2 – частая находка в позднекочевнических подкурганых памятниках; но среди материалов грунтовых могильников они встречаются значительно реже. Назначение таких пуговиц было полифункционально.

Две керамические пуговицы, покрытые темно-синей поливой, имеют по два отверстия (п.22, рис.8, 3; п.29, рис.12, 3). Такие пуговицы встречаются в золотоордынских памятниках. Например, два экземпляра известны нам из Мамай-Сурки (п.179) (Ельников М.В., 2001, рис.29, с.89).

Грубо изготовленная фаянсовая пуговица цвета морской волны такого же типа, как и в Ляпинской балке, обнаружена в золотоордынском погребении женщины у с.Третьяки-IV, 32/1 на р.Хопер (левый приток Дона). Кстати, набор инвентаря, его характерные особенности, а также погребальный обряд этого комплекса практически идентичны публикуемым материалам из Ляпинской балки (Ефимов К.Ю., 1985).

Ножницы. В могильнике обнаружено трое ножниц (пп.26, 29, 31). О ножницах из п.31 по оставшимся от них фрагментам ничего определенного сказать нельзя, остальные два экземпляра сохранились относительно неплохо. Ножницы из п.26 (рис.10, 3) хорошо известны в средневековых памятниках Европы, они имеют многочисленные аналогии как в грунтовых, так и в подкурганых комплексах, ссылаться на которые вряд ли есть необходимость. Ножницы из п.29 (рис.12, 1) встречаются гораздо реже, чем экземпляр из п.26.

Подобные ножницы (как в п.29), с хорошо выраженными восьмерковидными кольцами-скобами, происходят из погребения у с.Троицкое 5/1 (Степное междуречье Днепра и Южного Буга). У этого образца – изогнутые и короткие лезвия (Гребенников Ю.С. и др., 1991). Комплекс, где они обнаружены, по ряду черт погребального обряда и датирующему инвентарю относится к развитому золотоордынскому времени.

Близкая аналогия ножницам из п.29 известна из материалов погребения Волга-Чограй-43, 2/2 (Васюткин С.М. и др., 1992). Отличие этого экземпляра от ножниц из п.29 состоит лишь в том, что лезвия ножниц из погребения у Волги-Чограй гораздо короче (т.е. лезвие и рукоять практически равны между собой по длине), чем у ножниц из могильника Ляпинская балка.

Зеркала. Наиболее многочисленной и аттрактивной группой среди инвентаря могильника являются зеркала. Все 6 обнаруженных зеркал относятся к 5 совершенно разным по происхождению типам.

1. Зеркало из п.29 без бортика и с одним (!) центральным валиком, делящим тыльную его поверхность на две равные части, принадлежит к числу относительно редких типов. Показателен тот факт, что на остатках крупнейшего средневекового ремесленного центра Восточной Европы – Болгаре, где в большом количестве производилось множество типов зеркал, – подобных данному найдено всего 2 экз. (Полякова Г.Ф., 1996, с.223). Близкое, но более упрощенное (гладкое) зеркало с невысоким, относительно узким и сужающимся кверху бортиком происходит из грунтового могильника Мамай-Сурка, п.621 (Каприцын И.И., 1994, рис.26). В памятниках поздних кочевников такие зеркала, как из п.29, иногда принимаются за зеркала с крестовидным орнаментом или совершенно гладкие.

2. Оригинальный экземпляр с боковой короткой округлой ручкой, без бортика и с неизвестным нам в золотоордынском массиве зеркал вариантом геометрического орнамента (центральным кругом и полукругами по периметру) обнаружено в п.31. Основная территория распространения зеркал с близкой орнаментацией приходится на Северокавказский регион. Нетипичный орнамент в совокупности с отсутствием у рассматриваемого экземпляра краевого бортика ставит его в ряд уникальных предметов, точных аналогий которым нам неизвестно не только в грунтовых, но и в позднекочевнических подкурганых памятниках Восточной Европы.

В то же время, Е.И.Нарожный в статье, опубликованной в данном томе, указывает на якобы подобные аналогии, но без боковых ручек (Нарожный Е.И., 2003, с.248). Однако просмотр литературы, на которую опирается автор, не подтвердил его информацию. То есть, ни в книге В.А.Иванова и В.А.Кригера (Иванов В.А., Кригер В.А., 1988), ни в статье В.А.Ларенка (Ларенок В.А., 1992) мы не нашли такого типа зеркал.

В чем же причина? Е.И.Нарожный, ссылаясь (без указания на страницу) на публикацию С.Н.Савенко (Савенко С.Н., 1985), пишет: “Другой тип зеркал с абсолютно гладким диском, без орнамента, с петлей и без нее, достаточно часто встречается сре-

ди памятников Северного Кавказа на протяжении широкого хронологического отрезка времени: X-XIV вв.” (Нарожный Е.И., 2003, с.248). Эта информация нас заинтересовала. Желая убраться сомнения, мы обратились к работе С.Н.Савенко. Место, где он писал бы о зеркалах с абсолютно гладким диском, т.е. без орнамента, мы, к сожалению, так и не нашли. Зато на с.102 исследователь указывает, что “для позднего этапа [XII в. – А.Е., В.К.] характерны: повторяющиеся круговые валики, без заполнения зон...” (Савенко С.Н., 1985, с.102). Видимо, Е.И.Нарожный принял схему зеркала с показанным бортиком по краю, изображенного у С.Н.Савенко на табл. I (Савенко С.Н., 1985, с.102, тип I, подтип I), за зеркало с абсолютно гладкой поверхностью и без бортика. Кстати, С.Н.Савенко вообще отказался от учета в своей типологии признака “бортик”, объясняя это тем, что часть сведений из используемого им источника зеркал не содержала на этот счет необходимой информации (Савенко С.Н., 1985, с.98).

Относительно близкое по типу зеркало обнаружено в позднекочевническом погребении 2 кургана 9 могильника Зубовка. Однако зубовское зеркало отличается от рассматриваемого из п.31 крайне тонким и небольшим диаметром диска (4 см), переходящим в длинный стержень рукояти (Мамонтов В.И., 1992, с.40, рис.11, 10). Похожее зеркало найдено в кургане 5 могильника Солодовка-II. Зеркало из Солодовки диаметром 6 см изготовлено из бронзы. “Вместе с диском отлит и короткий черешок ручки, отчего на диске остался след узкого рельефного валика у основания рукояти. По краю диска идет слабо заметный валик” (Мамонтов В.И., 1993, с.163, рис.7, 6). Комплекс датируется авторами публикации XIII-XIV вв. Собственно, все варианты зеркал с боковыми ручками (судя по рассмотренному нами инвентарю) встречены в памятниках XIV в. и, очевидно, представляют собой один из наиболее поздних типов этой категории бытовых вещей эпохи Золотой Орды.

3. Зеркало с сочетанием растительного и животного орнамента из п.1, в отличие от двух предыдущих, представляет собой один из наиболее распространенных типов в Золотой Орде. Данное зеркало крайне плохой сохранности, но все же с уверенностью можно отнести к типу с зонально расположенным орнаментом, где фигуры бегущих по кругу животных опоясываются растительными побегам. Поверхность поля рассматриваемого экземпляра разделена выпуклыми ободками на два пояса. Внешний заполнен стилизованными цветочными формами, среди которых, исходя из аналогий, есть виноградные лозы, а на внутреннем изображен круговой гон зверей, где две собаки (?) преследуют убегающих зайцев (?). Судя по характерному “смазанному” внешнему виду и неудовлетворительно-

му состоянию, данное зеркало, очевидно, было отлито по оттиску в глине, изготовленному по уже довольно сработанному оригиналу или даже копии от последнего. На это указывает заметная шероховатость орнаментальной плоскости, сглаженность узора. Примечательно, что слабая сохранность наблюдается у всех без исключения известных на сегодня экземпляров данного типа зеркал. Г.А.Федоров-Давыдов указывал, что все они являются литейными репликами привозных восточных оригиналов (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.82). Аналогии данному зеркалу обнаружены, например, в грунтовом могильнике Каменка, п.78 (Сымонович Э.А., 1956, рис.35), в Болгаре (Полякова Г.Ф., 1996, с.231, рис.73, 7), на Увекском городище (Полякова Г.Ф., 1996, с.231, рис.73, 7; Недашковский Л., Ракушин А., 1998, рис.1, 9; Недашковский Л.Ф., 2000, рис.9, 12).

4-5. Два совершенно идентичных зеркала обнаружены в пп.26 (рис.10, 4) и 28 (рис.11, 5). На них изображен один из вариантов арабского благопожелательного текста, выполненного почерком “насах”, расположенного вокруг центральной орнаментальной розетки. На внешних поясах обоих зеркал передано одинаковое типичное каноническое изречение мусульманского Востока: “Слава, которая (есть) высшее счастье для могущественных начальников, (да будет) тебе благодеянием будущая жизнь” (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.83). Перевод такой надписи впервые был выполнен Н.Ф.Катановым еще в 1898 г. (Катанов Н.Ф., 1898), причем из-за не очень хорошей сохранности попавших к нему экземпляров ее прочтение далось ему не сразу. В другой статье, где было опубликовано аналогичное зеркало, происходящее из кургана у с.Нижняя Дуванка Кулянского уезда (ныне Харьковская обл.), он немного видоизменил свое первичное прочтение, придав последнему по сути родственный вариант (Катанов Н.Ф., Айналов Д.В., 1902, с.469).

Перевод Г.А.Федорова-Давыдова, лишь в самых незначительных нюансах отличается от вариантов прочтения Н.Ф.Катанова, однако, ученый сделал своеобразный синтез из них, максимально приблизив его и к употребляющимся на Средневековом Востоке благопожеланиям и одновременно русифицированному пониманию сути текста.

Данный тип зеркал представлен в монографии Г.А.Федорова-Давыдова изображением одной из трех находок с Царевского городища (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.79, рис.13, С1). Такое же зеркало, хранящееся в фондах Волгоградского областного краеведческого музея, опубликовано Н.В.Хабаровой (Хабарова Н.В., 1994, с.218, рис.2, 1), принявшей версию прочтения Г.А.Федорова-Давыдова. Типологический анализ этого типа зеркал на основании находок 19 экз. был сделан в фундаментальной статье Г.Ф.Поляковой, посвященной изделиям из цвет-

ных металлов, обнаруженных в Болгаре. Автор предпочла дать наиболее ранний из имеющихся в литературе вариантов – перевод прочтения Н.Ф.Катанова 1898 г. (Полякова Г.Ф., 1996, с.230, рис.73, 5).

Зеркала такого же типа, но отлитые в других формах, обнаружены и в нескольких золотоордынских погребениях: в грунтовом могильнике у с.Передельск Луганской обл. в нижнем течении Северского Донца (Горелик А.Ф., Выборный В.Ю., 1994); в кургане у с.Власовка 3/1 на р.Ворона в Верхнем Подонье (Березуцкий В.Д., 1985) и в разрушенном погребении в г.Ростов-на-Дону (Кузьмин В.И., 2000, с.274, 275, рис.1, 1; Косяненко В.М., 1992, с.24).

Обломки зеркал этого типа присутствуют в поьемном материале Царина городища в среднем течении Северского Донца. Обнаружены они на участке памятника, где в большом количестве встречаются медные монеты 2-й пол.XIV в. Найденные экземпляры хранятся в фондах Славянского краеведческого музея.

Еще одно такое же зеркало найдено в кургане 7 могильника Новозаведенное-II в бассейне р.Кумы (Северо-Восточное Предкавказье). Параметры данного зеркала почти идентичны зеркалу из п.26: Ø диска 8,67-8,7 см, высота бортика 0,4-0,63 см (Волков И.В. и др., 2001, с.128). Авторы публикации отмечают, что новозаведенское зеркало является ранней копией таких зеркал, объясняя это тем, что при неоднократном копировании металлических предметов с оригиналов (за счет усадки глиняного слепка-оттиска при высыхании и самой отливки при охлаждении) происходило постепенное уменьшение размеров получаемых реплик (Волков И.В. и др., 2001, с.129-130). Поскольку зеркало из п.26 (рис.10, 4) могильника Ляпинская балка имеет диаметр диска 8,9 см, т.е. больше, чем у новозаведенского, то, вероятно, оно еще относительно более раннее, чем новозаведенское. Разумеется, хронологический разрыв мал, так как, в любом случае, в многочисленных мастерских при интенсивности отливок таких копий временной интервал между ними не может быть большим. Продолжение выяснения технологических особенностей изготовления зеркал, без сомнения, – весьма перспективное направление.

Качественно по-иному изготовлено зеркало (рассматриваемого типа) из п.28 Ляпинской балки (рис.11, 5). Оно имеет диаметр 8,2 см, высоту бортиков 0,25-0,27 см и очень низкий расплывчатый рельеф изображения, поэтому кажется сильно стертым, но, очевидно, это в большей степени есть результат копирования. Более того, копирование данного зеркала, вероятнее всего, произведено с сильно выработанной отливочной формы. Правда, следует оговориться, что зеркала с низким рельефом изображения данного типа не обязательно могут быть следствием изношенности формы для их литья. Так, в статье И.В.Волкова, В.Е.Маслова и

В.Г.Петренко приведено зеркало, хранящееся в ГИМе и исследованное Г.Ф.Поляковой, у которого низкий (0,2 см) бортик и еще более низкий, но в то же время исключительно четкий рельеф изображения (Волков И.В. и др., 2001, с.130). Следовательно, можно говорить о бытовании качественных образцов с низким рельефом, которые могли копировать в тот же период (Волков И.В. и др., 2001, с.130).

Благодаря упомянутой выше публикации, нам стало известно о находках еще 4 зеркал рассматриваемого типа (Волков И.В. и др., 2001, с.130). Этот материал исследователям удалось собрать с различной степенью информативности, но несмотря на это, он позволяет сделать следующее заключение. Во-первых, экземпляр из п.26, очевидно, наиболее ранний из всех известных на сегодня в литературе; во-вторых, степень изученности этого типа, похоже, ощутимо выше всех остальных золотоордынских зеркал; в-третьих, довольно представительная подборка ныне известных зеркал этого типа, возможно, позволит в ближайшем будущем окончательно выяснить их генезис и еще дальше продвнуться в вопросе об эволюции золотоордынских зеркал и их хронологическом соотношении между собой. Правда, уже сейчас можно принять точку зрения, по которой происхождение зеркал типа тех, что найдены в пп. 26 и 28, связывается с расцветом Болгарии. Так или иначе, но именно в Волжской Болгарии этот тип наиболее распространен (Полякова Г.Ф., 1996, с.230; Волков И.В. и др., 2001, с.131). Бытование же данных зеркал на территориях, подвластных Золотой Орде, по мнению И.В.Волкова и его соавторов, можно отнести ко времени до “великой замятни” (1-я пол.60 гг. XIV в.), хотя исследователи не исключают и более длительное хождение (Волков И.В. и др., 2001, с.131). Нам представляется, что вторая часть суждения наших коллег явно предпочтительнее.

Углубившись в данную тему, нельзя не сказать и о стилистических особенностях надписей зеркал. С этой целью воспользуемся профессиональным описанием, сделанным для аналогичного зеркала Д.Г.Мухаметшиным и Ф.С.Хакимзяновым. “На нем у декоративного почерка насх вертикали высоких букв сверху расширяются и вершины завершаются типичным стрельчатым оформлением. Низкие буквы приподняты до половины высоких и густое употребление растительных побегов над ними заполняет пустоту и уравнивает надпись” (Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С., 1996, с.299).

Сложное переплетение растительных элементов букв, стилизация их начертания, стиль почерка, с одной стороны, обладают датирующими возможностями, а с другой, в известной степени, предопределяют вариабельность прочтения. В этой связи нельзя не согласиться с мнением Н.В.Хабаровой, считающей, что по орнаментальным мотивам

зеркал, как яркой характерной черте, можно наглядно представить эклектизм вкусов и разноречивость в стиле, распространенных в золотоордынское время (Хабарова Н.В., 1994, с.219). К сказанному добавим, что, очевидно, типы зеркал со структурно сложными орнаментальными мотивами, несмотря на господствующую в тех или иных регионах моду на них, имеют каждый свою “родину” происхождения (государство, город, ремесленный цех, конкретного автора), как, кстати, и свой ареал, и пик бытования. Позже они послужили прототипами для копирования другими ремесленными центрами, включая золотоордынские.

Отмеченное дает основание продолжить дальнейшее уточнение перечисленных особенностей, что, в свою очередь, почти наверняка, со временем даст опору для установления их еще более точной датировки и места изготовления.

Вопрос о локализации места происхождения (производства) “первых” оригиналов ставится уже давно, однако, за исключением отдельных типов, существенного сдвига в сторону отнесения их к конкретным среднеазиатским, иранским или другим центрам пока еще нет. Значительной преградой в этом вопросе являются: недоступность специальной литературы, находящейся, преимущественно, в библиотеках дальнего зарубежья, а также фондов мусульманского зарубежного Востока. Одним словом, на данном этапе изучения материала, по мнению специалистов, пока невозможно выяснить принадлежность типов почерка к определенным школам каллиграфии и, тем более, хотя бы относительно точно локализовать место производства зеркал (Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С., 1996, с.299). Но все же решение этого вопроса, очевидно, следует ожидать в ближайшем будущем, так как данные эпиграфики в историческом срезе XII-XV вв. уже дают не только относительно узкие хронологические рамки, но и локализуют очаги их бытования, происхождения и панораму распространения. Так или иначе, но датировка этого типа зеркал находится в полном соответствии с данными эпиграфического порядка, а также с типичным для этой эпохи орнаментальным обрамлением текста. Видимо стоит иметь в виду доводы И.В.Волкова, В.Е.Маслова и В.Г.Петренко о том, что время проникновения этого типа зеркал приходится на правление хана Узбека (1312-1342), когда после принятия этим ханом ислама, золотоордынские ремесленные центры стали синхронно с традиционными типами отливать зеркала с сугубо каноническими, мусульманскими абстрактными и широко распространенными благожелательными формулами (Волков И.В. и др., 2001, с.131). Во всяком случае, нам не известно ни одного случая, чтобы зеркала этого типа встретились в закрытых комплексах с датировкой более ранней, чем официальное при-

нятие ислама в Золотой Орде. Более того, мы думаем, что время их появления приходится на рубеж 40-50 гг. XIV в., когда расцвет золотоордынских городов, в частности Сарай ал-Джедид, достиг своего пика.

Благопожелательные фразы данного типа зеркал никогда не содержат ни собственного имени, ни имени владельца, ни мастера. Это является свидетельством того, что они отливались в большом количестве для приобретения их всеми желающими. Зато текст зеркал придавал последним (и без того в сознании их владельцев достаточно мифологизированным) дополнительное символическое охранительное значение. Наряду с практическим применением они должны были оказывать и определенное психологическое воздействие на человека (Мухаметшин Д.Г., Хакимянов Ф.С., 1996, с.304).

Такие зеркала, как и все другие вещи с благопожелательными надписями, были очень популярны и имели в XIV в. весьма обширное распространение, расходясь в многочисленных копиях по всему мусульманскому миру (Лубо-Лесниченко Е.И., 1975, с.105; Мухаметшин Д.Г., Хакимянов Ф.С., 1996, с.296), заполнив степные пространства от Среднего Поволжья на запад, восток и юг. Больше всего они известны в Волжской Болгарии, а также в Средней Азии и на Алтае. Совмещая в себе функции утилитарных предметов и своеобразных амулетов, зеркала были популярными предметами купли-продажи (Мухаметшин Д.Г., Хакимянов Ф.С., 1996, с.296).

6. Фрагмент зеркала с изображением на внешнем орнаментальном поле стилизованной цапли (?) и конских ног на внутреннем (п.3, рис.6, 9) представляет собой уникальный для восточноевропейских степей образец художественного ремесла. Аналогии данному зеркалу нам не известны. Сюжет и стиль изображения сохранившихся частей цапли и коня, наличие довольно широкого краевого рельефного пояса, а также изготовление зеркала из серебра (?; анализ не проводился) – все это дает основание предполагать, что оно было отлито в одном из центров, изготовлявших высокохудожественную продукцию, возможно, расположенном на территории Ирана. Если мы правы, то это лишь раз подтверждает уже хорошо известный факт о контактах Золотой Орды с этим регионом. Однако, по мнению М.Г.Крамаровского, данное зеркало не относится к кругу иранских изделий. На наш вопрос он ответил следующее: “Думаю, что зеркало не иранское. Оно вполне может быть и ордынское, поскольку декор с изображением цапель – журавлей есть на зеркале с изображением охот из нашего [эрмитажного – А.Е., В.К.] собрания”⁵. Так как в име-

ющейся в распоряжении авторов литературе публикации этих зеркал нет, связь их с экземпляром, найденным в могильнике Ляпинская Балка, осталась для нас невыясненной.

Важно отметить, что данное зеркало, несмотря на его хорошую сохранность, возможно, является самой ранней вещью могильника. На такую мысль нас натолкнуло то обстоятельство, что нередко древние предметы, в том числе и фрагменты зеркал, помещались в погребения в качестве оберегов. Об одном таком зеркале сообщают Н.И.Гиджраты и В.Х.Тменов, описывая погребения в каменных ящиках, раскопанных на холме Бузуни-Хума (Северный Кавказ): “Обломок зеркала из погребения № 5 – наиболее древнее изделие, обнаруженное в инвентаре раскопанных погребений. ... В данном случае мы имеем дело со вторичным использованием древнего предмета” (Гиджраты Н.И., Тменов В.Х., 1988, с.175).

Завершая краткий анализ обнаруженных в могильнике зеркал, в целом, согласимся с Л.Ф.Недашковским, что эта категория вещевого мира золотоордынской эпохи была гораздо шире распространена в городах, но представлена там меньшим разнообразием типов, чем у кочевников Степи (Недашковский Л.Ф., 2000, с.66). Уточним лишь то, что такое количество зеркал у номадов археологами фиксируется лишь в грунтовых могильниках и в наиболее поздних, основных курганных погребениях 2-й пол.XIV в. Подобное, видимо, следует объяснить тем, что кочевники Степи были гораздо более открыты для импорта, чем городское население Золотой Орды, хотя бы потому, что в городах в необходимом количестве было хорошо налажено производство многих категорий художественных изделий (включая зеркала).

Если первые пять проанализированных зеркал отлиты в глиняных формах, изготовленных путем оттиска от готового зеркала, то шестое зеркало (из белого металла), судя по характеру рельефа, очевидно, изготовлено в каменной, так называемой жесткой форме (Недашковский Л.Ф., 2000, с.66).

Подвески (?) также, как и многие другие находки могильника, относятся к числу типов, редко встречаемых в погребениях поздних кочевников. В могильнике обнаружены 2 оригинальные подвески.

Первая из них, в виде железной пластины, напоминающей лепесток, очевидно, представляет собой лишь одну половину целого предмета (п.34, рис.13, 2). Пять подобных подвесок (?) обнаружены в очень выразительном по набору вещей погребении Московский-II, 18/1 из бассейна р.Сал. Подвески являлись составными частями серебряной ажурной броши. Все пять имеют одинаковую кап-

⁵ Из личного письма одному из авторов.

левидную форму, выполнены из золотой фольги и снабжены проволочными петельками. Каждая привеска состоит из 2 спаянных половинок. Привески, по мнению авторов отчета, либо в момент захоронения, либо в результате деятельности грызунов были отделены от корпуса броши и в процессе раскопок найдены в разных местах (Ильюков Л.С., 1986). Погребение по целому ряду признаков, на наш взгляд, датируется золотоордынским временем.

Вторая подвеска (п.38, рис.13, 9), изготовленная из тонкой бронзовой пластинки, чем-то напоминает по своей форме хорошо известные в позднекочевнической культуре лазуритовые ромбовидные подвески. Судя по тому, что с внутренней стороны изделия остался кусочек кожи, который крепился к основе двумя бронзовыми заклепками, его можно определить как украшение женской одежды. Аналогов ему среди имеющихся у нас источников обнаружить не удалось.

Серьги в виде разомкнутого кольца. В могильнике обнаружено 5 таких находок (пп.2, 9, 22, 29 (2 экз.)). Изготовлены они: из низкопробного серебра – п.2; бронзы (?) – п.9, 29 (2 экз.) и меди (?) – п.22. Диаметры серег от 2,0 до 2,3 см, а сечений – от 0,1 до 0,3 см. Такие серьги – частая находка в погребениях поздних кочевников. Они распространены очень широко как территориально, так и хронологически.

В могильнике Мамай-Сурка подобные изделия изготовлены из бронзовой проволоки и встречены в большом количестве. Это, например, пп.94 и 312 (Ельников М.В., 2001, с.51, рис.16; с.144, рис.49).

Серьги в виде знака вопроса обнаружены в 7 погребениях могильника. За исключением одного случая (п.6), когда в могильной яме было обнаружено 2 серьги, в остальных встречено по одному экземпляру (пп.1, 8, 31, 26, 28, 35). Все погребения женские, умершие ориентированы головами (кроме одного полностью разрушенного) исключительно на СВ, что, по-видимому, не случайно. Примечательно, что в тех погребениях, где было найдено по одной серьге, все они лежали в районе правого виска. Правда, в одном погребении (п.35) серьга лежала около правой бедренной кости, однако, учитывая, что правая сторона скелета подростка частично нарушена, первоначальное положение серьги, косвенно, по аналогии с другими погребениями могильника, где были обнаружены серьги, также логично локализовать у правого виска. Такое же положение “одинокых” серег в виде знака вопроса у правого виска погребенных характерно и для других памятников рассматриваемого круга.

Все серьги, за исключением лишь одной из п.1, принадлежат к самому распространенному типу VI, по Г.А.Федорову-Давыдову (Федоров-Давыдов Г.А., 1966, с.39), и датируются не ранее золотоордынского периода.

Бусы. Найдены в большинстве женских погребений (в 9 из 15), где был сопровождающий инвентарь. Они различной конфигурации: в основном шарообразной формы с уплощенными основаниями. Многие бусины имеют неправильную форму, что обусловлено техникой их изготовления (навивка). Поверхность некоторых бус расчленена продольными рубцами (п.1, рис.3, 2, 3). Изготовлены они из стекла различных цветов и оттенков. Диаметр бус колеблется от 0,3 до 0,9 см, но при этом около половины бусин имеют диаметр 0,7 см.

В коллекции присутствует группа бус, изготовленных из перламутра (п.38). Они имеют неправильную форму, что, по всей видимости, обусловлено характером материала, из которого эти бусы изготовлены (неравномерная толщина стенок раковин).

Рубчатые бусы из п.2 имеют широкие хронологические рамки. Так, в среднем течении Северского Донца близкие им по способу изготовления и форме бусы встречаются на поселениях вплоть до 1-й пол.XVIII в. (Казачья Пристань) (Кравченко Э.Е. и др., 1999, с.6).

Большинство бус, за исключением фигурных в виде уточек (п.38, рис.13, 10а, 10б, 10в), внешне трудно отличимы от бус, обнаруженных в памятниках более ранних степных кочевых культур. В случаях с невыразительным инвентарем датировка таких комплексов в отчетах экспедиций нередко неоправданно удревняется, порой на несколько веков. Так округлые, круглые и овальные бусы, близкие по формам ляпинским, изготовленные из стекловидного состава, встречаются в срубной и сарматской культурах, а рубчатые (п.1, рис.3, 2, 3) часто находят в сарматских и савроматских памятниках.

Аналогии почти всем бусам из могильника Ляпинская балка в огромном количестве имеются в Мамай-Сурке (несколько десятков погребений). Многие из видов ляпинских бус есть в Каменском могильнике на р.Конке (Сымонович Э.А., 1956) и в других грунтовых могильниках.

Три бусины в форме уточек – единственные зооморфные вещи, обнаруженные в могильнике (п.38). Предметы изготовлены из стекла белосерого цвета с зеленоватым оттенком (рис.13, 10а, б, в). В уточках имеются крохотные отверстия, проходящие вертикально через головки к основанию.

Наиболее близкие аналогии данным бусам происходят из грунтового могильника Мамай Сурка, где, по нашим данным, уже известно не менее 6 таких находок: пп.585 (1 экз.), 594 (3 экз.), 651 (1 экз.); 829 (1 экз.) (Каприцын И.И., 1994, рис.17, 10; рис.19, 10; рис.31, 9; 1996, рис.23, 11). Все фигурки изготовлены из стекла, а отверстия для подвешивания (продевания нитки) также, как и в случаях с нашими

уточками, проделаны в головках птиц вертикально через макушку.

Похожая бусина/подвеска в форме уточки найдена в одном из раскопов Селитренного городища (Бусятская Н.Н., 1976, с.61, табл. I, 2). Известны такие бусы и в средневековом Болгаре (Полякова Г.Ф., 1996, рис.64, 8).

Находки бус в виде уточек обнаружены в могильнике не случайно. Очевидно в Золотой Орде это был весьма популярный образ. Изображение утки нередко помещали на стенках и донышках чаш. В частности, один из таких выразительных рисунков находим на донышке кашинного сосуда из раскопок золотоордынского Белгорода на Днестре (Кравченко А.А., 1986, с.96, рис.37, 5). Интересно, что изображения уток на керамике, зафиксированные в Белгороде на Днестре, стилистически абсолютно идентичны рисункам из разных, далеко удаленных друг от друга регионов, что может свидетельствовать об исключительной популярности этого образа, символизирующего у многих народов благополучие (Кравченко А.А., 1986, с.94).

Фигурки-уточки, изготовленные из разного сырья, а также изображение уточек, помещенных на многих предметах, чаще всего сосудах, – образ, воплощенный в памятниках именно оседлых культур. Находка в могильнике данных фигурок в определенной степени наталкивает на мысль о процессе переориентации жителей поселка с охоты на сугубо степную фауну, которая тяготеет к рекам и другим водоемам. Сказанное, в совокупности с другими характерными чертами могильника, может свидетельствовать об уже свершившемся переходе бывших кочевников к оседлому образу жизни.

Впервые же такие изображения появляются в Восточной Европе еще в эпоху неолита, где образы водоплавающих птиц составной частью входили в мировоззренческую систему, отводящую водной стихии немаловажную роль во взаимодействии человека и природы (Китицына Л.С., 1976, с.88-89).

Утка, вообще, принадлежит к числу семантически емких образов. Помимо берега, она имела значение символа небесной влаги и неба, т.е. верхнего мира (Павлова А.Н., 1997; 2001, с.315). “Птица считалась воплощением света, жизни, а утка – воплощением женщины” (Патрушев В.С., Митюкова Е.А., 2001, с.322).

Астрагалы овцы/козы – редкая находка в археологических памятниках различных культурных пластов, и рассматриваются они как один из видов сопроводительного инвентаря. У поздних кочевников встречаются реже, чем в предыдущие эпохи. Интересны они, прежде всего, с двух позиций: как атрибуты игры и гаданий, и с точки зрения их охранительной функции. В совокупности эти и другие свойства астрагалов содержат в себе немало ин-

формации семиотического характера, но, к сожалению, они ни разу не стали поводом к специальному исследованию археологов-медиевистов.

Монеты. Обнаруженные в двух погребениях 4 золотоордынских дирхема позволяют уточнить и без того хорошо определяемую дату могильника.

Дирхему из п.2 (рис.3, 12) наиболее близки четыре дирхема Абдаллаха чекана Орды 767 г.Х. (1365/1366 гг.) из клада, обнаруженного вблизи Сарая. Два из них очень схожи по типу штемпеля дирхему из Ляпинской балки. Отличие состоит лишь в наличии на сарайских экземплярах украшения из 6 точек, образующих своеобразную звездочку (Григорьев В.В., 1850, с.33). Время попадания дирхема в некрополь Ляпинская балка более менее ясно. Хорошей сохранности, он явно “выпал” в погребение не намного позднее, чем был отчеканен. Скорее всего это произошло во 2-й пол.70 гг. XIV в.

Заметим, что 767 г.Х. примечателен – это был самый разгар происходящей в Золотой Орде ханской междоусобицы. В связи с этим отметим, что еще в 1992 г., критически разбирая традиционно принятую в литературе периодизацию золотоордынских памятников Нижнего Поволжья, Е.П.Мыськов указал на очень важный факт. Специально исследовав все доступные исследователю погребения с джучидскими монетами, он не выявил среди последних более поздней, чем с датой 1364 г. (765/766 г.Х.). Именно в это время, по мнению Е.П.Мыськова, произошел распад Золотой Орды на несколько самостоятельных улусов, который автоматически привел к разрушению товарно-денежных отношений (Мыськов Е.П., 1992, с.19). Видимо, этот процесс не был в одинаковой мере разрушительным на всей территории Золотой Орды.

Интересны и три недатированных дирхема Узбека, очевидно чеканенные в Крыму (Френ Х.М., 1832, с.9, № 64, табл. II, XLVIII), из п.7 с проставленными на них надчеканками, относящимися к тем же смутным для Золотой Орды 60 гг. XIV в. На двух из них стоит хорошо известная в литературе надчеканка в виде слова “хан”. Чаще всего эта надчеканка встречена на монетах, выпущенных в Булгаре (Янина С.А., 1954). Кстати, исследовательница зафиксировала их там только на меди (пулах). В последующее время такая надчеканка стала выявляться и среди дирхемов (Северова М.Б., 1990, с.45; Лебедев В.П., Дунин В.Н., 1997, с.29). Большое количество надчеканок “хан” в Булгаре на пулах Хызра, единичных экземплярах, принадлежащих ханам Кильдибеку (763 г.Х.) и Мир-Пуладу (764 г.Х.), а также их полное отсутствие у Абдаллаха (764-770 гг.Х.=1362-1369 гг.) позволяет отождествить данную группу монет с последним из указанных ханов (Янина С.А., 1954).

На третьем дирхеме на лицевой стороне, возможно, также помещена надчеканка. Во всяком слу-

чае, вдоль края монетного поля ясно видно вторичное изображение, которое имеет вид овальной решетки. Точно такой же “орнамент-надчеканка” есть на одном из дирхемов хана Узбека из клада, обнаруженного в медресе (помещение 18) г.Крыма и помещенного в статье М.Б.Северовой. Важно отметить, что на монете, опубликованной М.Б.Северовой, кроме отмеченной особенности, есть еще надчеканка в виде изображения портала – символа ворот Генуи (Северова М.Б., 1990, с.45, рис. III, 9).

Эти надчеканки, на первый взгляд, могли появиться не ранее 1421 г., так как именно в этом году миланский герцог Филипп Мария Висконти, владевший Генуей и ее колониями с 1421 по 1435 г., выпустил первые аспры генуэзской колонии Каффы (Ретовский О.Ф., 1914, с.1). На лицевой стороне этих аспров и помещался портал. Следовательно такая надчеканка, логически, могла появиться на джучидских монетах не ранее 1421 г. Однако М.Б.Северова указывает, что несколько стертых монет с такой надчеканкой известны с датами кон. XIV в. (Северова М.Б., 1990, с.45). Одним словом, дирхемы Узбека [как, возможно, и других ханов – А.Е., В.К.], по мнению исследовательницы, могли находиться в обращении и в XV в. Но поскольку на экземпляре из Ляпинской балки изображения портала нет, а видна только надчеканка в виде решетчатого овала, то относить этот дирхем к кон. XIV – 1-й пол. XV в. воздержимся. Учитывая же некоторое время хождения монет в обращении и, по-видимому, позднюю “надчеканку” – “решетчатый овал”, датировку могильника можно приблизить к 80-90 гг. XIV в.

Заключение

Могильник Ляпинская балка представляет собой промежуточное звено, несущее на себе влияние оседлой культуры золотоордынских населенных пунктов и традиций кочевой Степи. Собственно синкретизм золотоордынской культуры, составной, автономной частью которой была ее кочевая сторона, уже давно отмечен исследователями. Испытав мощное влияние золотоордынских центров, Степь с ее многовековыми многокомпонентными и разнотничными традициями, в известной степени, преобразовалась в совершенно необычное культурное явление. В данном могильнике мы видим уникальное сочетание многих культурных тенденций, появившихся в период угасания культурного многообразия Золотой Орды. Это и отражение процесса оседания кочевников на землю, имущественное неравенство, мирное сосуществование и переплетение язычества и ислама, дальние торговые связи и некоторые другие явления.

До сих пор считалось, что в позднезолотоордынских грунтовых (кон. XIV в.) посткочевнических

погребениях наблюдается небольшой ассортимент сопроводительного инвентаря. Однако могильник Ляпинская балка оказался в этом плане редким исключением. Более того, здесь обнаружен целый ряд таких типов вещей, которые на сегодня насчитывают лишь единицы, а некоторые из них впервые вводятся в научный оборот. Такое положение дел и предопределило наше пристальное внимание к инвентарю могильника.

Наиболее ранним, по нашему мнению, являлось разрушенное п.1. Кроме того, что оно занимало самую юго-западную точку могильника, откуда, как уже было отмечено выше, последний и расширялся, в инвентаре также представлены относительно ранние типы, по сравнению с вещами остальных погребений. Это и вопросовидная серьга без обмотки проволокой, и рубчатые бусы и, конечно же, зеркало с так называемым гоном зверей, являющееся относительно остальных зеркал могильника самым ранним типом.

С точки зрения выяснения верхней даты памятника, отметим, что оба погребения с монетами располагались в западной (ранней) части могильника. Все же захоронения с выраженными чертами мусульманской обрядности, являясь самыми поздними, в отличие от наиболее ранних комплексов, сосредотачивались в восточной группе. Такое взаиморасположение этих групп позволяет предложить следующую реконструкцию расширения могильника. Некрополь, по-видимому, увеличивался сначала с запада (пп.1-3, 6-8) на восток (пп.19, 25-31, 34-38), затем на север в западной группе (пп.4, 5, 9-11) и, наконец, на север в восточной группе (пп.12-18, 20-24, 32, 33). В дальнейшем некрополь, если бы не какие-то серьезные причины, скорее всего, расширился бы вновь в западном направлении, заполняя образовавшееся пространство между западной и восточной частями могильника. Об этом свидетельствует размещение п.23, без сомнения, являвшегося одним из наиболее поздних, если не позднейшим погребением.

Сопроводительный инвентарь, как и целый ряд черт погребального обряда, даже без учета обнаруженных в могильнике монет хорошо датирует памятник 2-4 четв. XIV в. Монеты же позволяют определить нижнюю датировку – как минимум 80 гг.

Учитывая, что могильник рос в течение какого-то времени, верхняя его хронологическая граница, очевидно, близка к самому концу XIV века.

Итак, публикуемый памятник, очевидно, следует отнести ко времени стремительного упадка степной (кочевой) золотоордынской культуры, когда интенсивно стали происходить кардинальные изменения в мировоззрении кочевников, вызванных, в первую очередь, массивным проникновением ислама.

Литература и архивные материалы

- Баллод Ф.В.**, 1923. Приволжские “Помпеи” (Опыт художественно-археологического обследования части правобережной Саратовско-Царицынской приволжской полосы). Москва; Петроград.
- Березуцкий В.Д.**, 1985. Отчет о раскопках курганов Власовского могильника в Грибановском районе Воронежской обл. в 1985 г.// НА ИА РАН, № 11856.
- Бусятская Н.Н.**, 1976. Стекланные изделия городов Поволжья (XIII-XIV вв.)// Средневековые памятники Поволжья. М.
- Васюткин С.М., Кольцов П.М., Николаева Н.А.**, 1992. Средневековые погребения зоны канала Волга-Чограй// Исследования по археологии юга Восточной Европы. Элиста.
- Волков И.В., Маслов В.Е., Петренко В.Г.**, 2001. Золотоордынские погребения в Центральном Предкавказье// РА. № 2.
- Газимзянов И.Р.**, 2001. Еще раз о могильнике “Бабий Бугор”// Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань.
- Гиджрати Н.И., Тменов В.Х.**, 1988. Погребения в каменных ящиках на холме Бузуни-Хума (сел.Махческ)// Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Горелик М.В.**, 1983. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в.// Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М.
- Горелик А.Ф., Выборный В.Ю.**, 1994. Научный отчет. Раскопки у с.Передельское Станично-Луганского р-на Луганской области в 1994 г.// НА ИА НАНУ, № 1994/62.
- Гребенников Ю.С., Симоненко А.В., Смирнов И.А.**, 1991. Отчет о работах Николаевской экспедиции в 1991 г.// НА ИА НАНУ, № 91/161.
- Григорьев В.В.**, 1850. Описание клада из золотоордынских монет, найденного близ развалин Сарая// Записки археолого-нумизматического общества. Т.II. СПб.
- Давлетшин Г.М.**, 2001. Некоторые вопросы исламизации общества Улуса Джучи и Волжская Булгария// Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань.
- Добролюбовский А.О.**, 1985. Могильники средневековых кочевников в междуречье Днестра и Дуная// Памятники древней истории Северо-Западного Причерноморья. К.
- Евглевский А.В.**, 1990. Влияние ислама на половецкий погребальный обряд в золотоордынское время// Проблемы исследования памятников археологии Северского Донца. Тезисы докладов областной научно-практической конференции. Луганск.
- Евглевский А.В.**, 1998. Семантика распрямленных гривен в контексте погребального обряда кочевников Восточной Европы XII-XIV вв.// Археологический альманах. № 7. Донецк.
- Евглевский А.В., Потемкина Т.М.**, 1996. Кресала в позднекочевнических погребениях Северного Причерноморья// ДАС. Вып.6. Донецк.
- Евглевский А.В., Потемкина Т.М.**, 2000. Кресала в позднекочевнических погребениях Восточной Европы// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.1. Донецк.
- Ельников М.В.**, 2000. Средневековый могильник Мамай-Сурка в Нижнем Поднепровье// Археологічний літопис Лівобережної України. Ч.1-2. Полтава.
- Ельников М.В.**, 2001. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989-1992 гг.). Т.1. Запорожье.
- Ефимов К.Ю.**, 1985. Отчет о раскопках курганов близ с.Третьяки Борисоглебского р-на Воронежской области в 1985 г.// НА ИА РАН, № 10825.
- Иванов В.А., Кригер В.А.**, 1988. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). М. Изложение начал мусульманского законовещения. СПб., 1850.
- Измайлов И.Л.**, 2001. К вопросу о каноничности и языческих пережитках в мусульманском погребальном обряде волжских булгар// Вопросы древней истории Волго-Камья. Казань.
- Илюков Л.С.**, 1981. Отчет об исследовании археологических памятников в Мартыновском р-не Ростовской обл. в 1981 году// НА ИА РАН, № 8867.
- Илюков Л.С.**, 1986. Отчет об исследовании курганных могильников в Мартыновском р-не Ростовской области в 1986 году// НА ИА РАН, № 11601-11601а.
- Каприцын И.И.**, 1994. Отчет о полевых исследованиях на могильнике “Мамай-Сурка” в Каменско-Днепровском районе Запорожской области в 1994 г.// НА ИА НАНУ, № 1994/117.
- Каприцын И.И.**, 1996. Отчет о раскопках средневекового могильника “Мамай-Сурка” в Каменско-Днепровском районе Запорожской области в 1996 г.// НА ИА НАНУ.
- Катанов Н.Ф.**, 1898. Описание одного металлического зеркала с арабской надписью, принадлежащего Обществу археологии, истории и этнографии// ИОАИЭ. Т.XIV. Вып.6.

- Катанов Н.Ф., Айялов Д.В.**, 1902. Восточные металлические зеркала из Харьковской и Екатеринославской губернии. Харьков.
- Кирпичников А.Н.**, 1971. Древнерусское оружие. Вып.3. Доспех, комплекс боевых средств IX-XIII вв.// САИ. Вып.Е1-36.
- Китицына Л.С.**, 1976. Находка изображения уточек на стоянке Сахтыш I// Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М.
- Комар А.В., Сухобокров О.В.**, 2000. Вооружение и военное дело Хазарского каганата// Восточноевропейский археологический журнал. 2(3). – (http://archeology.kiev.ua/journal/020300/komar_suchobokov.htm).
- Косяненко В.М.**, 1992. Новые поступления XI-XIV вв. в фонды Ростовского областного музея краеведения// Межрегиональная конференция “Средневековые кочевники и городская культура Золотой Орды”. Тезисы докладов. Волгоград.
- Кравченко А.А.**, 1986. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII – XIV в.). К.
- Кравченко Э.Е., Цимиданов В.В., Кузин В.И.**, 1999. Отчет об охранных археологических исследованиях в Славянском районе в 1998 г. Донецк// Архив АНИГИФ ДонНУ. Донецк.
- Кравченко Э.Е.**, 2002. Отчет о работах на Сидоровском городище в полевой сезон 2001 г. археологической экспедиции Донецкого областного краеведческого музея// Архив АНИГИФ ДонНУ. Донецк.
- Кубышев А.И., Дорофеев В.В., Шилов Ю.А., Куприй С.А., Полин С.В., Николова А.В., Нечитайло А.Л., Шевченко Н.П., Шилова Т.П.**, 1982. Отчет об исследованиях Херсонской археологической экспедиции в 1982 году// НА ИА НАНУ, № 1982/4.
- Кузьмин В.И.**, 2000. Позднекочевническое погребение на территории г.Ростов-на-Дону// Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. Вып.16. Азов.
- Кульбака В.К.**, 1999. Звіт про дослідження курганів та ґрунтового могильника на території м.Маріуполя. // НА ИА НАНУ, № 98/26.
- Ларенок В.А.**, 1992. Об этнической принадлежности погребенных в кургане у х.Семенкина// Донские древности. Вып.1. Азов.
- Лебедев В.П., Дунин В.Н.**, 1997. Золотоордынские монеты из находок в Городце на Волге// Древности Нижегородского Поволжья. Вып.2. Нумизматический сборник. Т.1. Нижний Новгород.
- Лубо-Лесниченко Е.И.**, 1975. Привозные зеркала Минусинской котловины. М.
- Мамонтов В.И.**, 1992. Курганный могильник Зубовка// Древности Волго-Донских степей. Вып.2. Волгоград.
- Мамонтов В.И.**, 1993. Погребения поздних кочевников из курганного могильника Солодовка II// Древности Волго-Донских степей. Вып.3. Волгоград.
- Медведев А.Ф.**, 1959. Оружие Новгорода Великого// МИА. № 65.
- Медведев А.Ф.**, 1966. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII-XIV вв.// САИ. Вып.Е1-36.
- Милорадович О.В.**, 1963. Средневековые мечети городища Верхний Джулат// МИА. № 114.
- Мухаметшин Д.Г., Хакимзянов Ф.С.**, 1996. Надписи на металлических изделиях// Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань.
- Мыськов Е.П.**, 1992. О периодизации золотоордынских памятников Нижнего Поволжья// Межрегиональная конференция “Средневековые кочевники и городская культура Золотой Орды”. Тезисы докладов. Волгоград.
- Нарожный Е.И.**, 2003. О половецких изваяниях и святилищах XIII-XIV вв. Северного Кавказа и Дона// Степи Европы в эпоху средневековья. Т.3. Донецк.
- Нарожный Е.И., Чакжиев Д.Ю.**, 2003. О находках некоторых образцов ударного и защитного вооружения на Северном Кавказе (XIII-XIV вв.)// Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып.2. Армавир.
- Науменко В.Е., Фролов Б.Е.**, 2001. Регалии Кубанского казачества. Краснодар.
- Недашковский Л.Ф.**, 2000. Золотоордынский город Укек и его округа. М.
- Недашковский Л., Ракушин А.**, 1998. Средневековые металлические зеркала с Увекского городища// Татарская археология. № 1. Казань.
- Павлова А.Н.**, 1997. Космологические символы в древнемарийском искусстве IX-XI вв. (семантический анализ археологического материала). Дис. ... к.и.н. Йошкар-Ола.
- Павлова А.Н.**, 2001. К семантике древнемарийских женских головных уборов// Диалог культур Евразии: Вопросы средневековой истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия. Вып.2. Казань.
- Патрушев В.С., Митюкова Е.А.**, 2001. Костюм финно-угров Поволжья// Диалог культур Евразии: Вопросы средневековой истории и археологии. Изучение и сохранение историко-культурного наследия. Вып.2. Казань.

- Покас П.М., Стародуб А.В.**, 1991. Отчет о работе курганного отряда Днепровской Древнерусской экспедиции в 1991 г.// НА ИА НАНУ, № 91/256.
- Полякова Г.Ф.**, 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов// Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань.
- Ретовский О.Ф.**, 1914. Генуэзско-татарские монеты// Известия Императорской археологической комиссии. Вып.51. Петроград.
- Савенко С.Н.**, 1985. Хронологические особенности зеркал X-XII вв. н.э. Центрального Предкавказья// Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Савченкова Л.Л.**, 1996. Черный металл Болгара. Типология// Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань.
- Северова М.Б.**, 1990. Пополнение фонда джучидских монет Эрмитажа// СГЭ. Вып. LIV.
- Синицын И.В.**, 1956. Археологические исследования в Западном Казахстане// Труды Института истории, археологии и этнографии. Т. I. Археология. Алма-Ата.
- Сунчугашев Я.И.**, 1979. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. Новосибирск.
- Сымонович Э.А.**, 1956. Погребения X-XII вв. Каменского могильника// КСИИМК. № 65.
- Тарабанов В.А.**, 1984. Средневековые погребения Ленинохавльского могильника (по материалам 1973 г.)// Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.
- Федоров-Давыдов Г.А.**, 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Федоров-Давыдов Г.А.**, 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.
- Френ Х.М.**, 1832. Монеты ханов Улуса Джучиева или Золотой Орды с монетами разных иных мухаммеданских династий в прибавлении. Из прежнего собрания г-на профессора, статского советника и кавалера К.Фукса в Казани, принадлежащего ныне тамошнему Императорскому Университету, с краткими объяснениями и указаниями Х.М.Френа. СПб.
- Хабарова Н.В.**, 1994. Средневековые зеркала из фондов Волгоградского областного краеведческого музея. Случайные находки// Древности Волго-Донских степей. Вып.4. Волгоград.
- Халикова Е.А.**, 1978. О могильнике "Бабий Бутор" в Болгарах// Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.
- Халикова Е.А.**, 1986. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – нач. XIII в. Казань.
- Худяков Ю.С.**, 1980. Вооружение енисейских кыргызов VI-XII вв. Новосибирск.
- Чакхийев Д.Ю., Голованова С.А., Нарожный Е.И.**, 1986. О хронологии и методах применения некоторых позднесредневековых образцов вооружения у вайнахов// Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный.
- Яблонский Л.Т.**, 1978. Исследование средневекового некрополя на городище у с. Селитренное// Полевые исследования Института этнографии 1976 г. М.
- Янина С.А.**, 1954. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской экспедиции в Болгарах в 1946-1952 гг.// МИА. № 42.

Summary

A.V.Yevglevsky, V.K.Kulbaka (Donetsk, Mariupol, Ukraine)

The Ground Burial of the Golden Horde Period in Lyapinskaya Balka in North-Earsten Azov Territories

The article is devoted to an extraordinary ground burial of the middle XIVc. comprising 38 interments. The monument was excavated at the outskirts of the town of Mariupol in the estuary of the river Kalmius flowing into the Azov Sea.

Generally, the funeral ritual of the burial ground can be divided into two groups. The first group includes the dead oriented towards the sunrise, predominantly (19 out of 21) to the north-east. All of them are supplied with some appliances. The dead had been buried by the pagan ritual, though in an obviously simplified, unified form, i.e. without any wooden frames serving as coffins, horses, lining, steps and other features of the ritual characteristic of the earlier period. The second group of the dead is oriented towards to the western section of the sky (14 complexes) with obvious predominance of strictly western orientation. Most interments in this group have no accompanying appliances, others have very few items. Apparently, in this group the features characteristic of the muslim funeral ritual prevail over the pagan ritual features.

The appliances found in the burial confirm the idea of syncretism of the Golden Horde culture whose constitutive autonomous part was its nomadic/seminomadic "version".

This monument displays a unique combination of most tendencies realized within the period of the highest peak of the Golden Horde, i.e. reflection of the process of the nomadic tribes' settlement, property inequality, peaceful coexistence of heathenism and Islam within the same group of people, as well as far-reaching commercial links and some others.

A.V.Jevglevskij, V.K.Kulbaka (Donezk, Mariupol, Ukraine)

Gräberfeld Steppenschlucht Ljapinskaja aus der Zeit der Goldenen Horde im Nordostraum des Asowschen Meeres

In dieser Studie wird eine ungewöhnliches Gräberfeld aus der Mitte des 3. Viertels des 14. Jh. behandelt, das 38 Bestattungen umfasst. Diese Begräbnisstätte wurde am Rande der Stadt Mariupol an der Mündung des Flusses Kalmius ins Asowsche Meer ausgegraben.

Der Beisetzungsritual der Grabstätte lässt deutlich eine Teilung in 2 Leichengruppen erkennen. Die eine bilden die Verstorbenen, die dem Sonnenaufgang zugewandt sind, wobei die meisten (19 von 21) die N-W-Orientierung haben. Alle sind mit ungleich vielen Grabbeigaben versehen. Diese Verstorbenen wurden nach heidnischer Tradition bestattet, allerdings bereits in einer sehr vereinfachten und einheitlichen Form, d.h. ohne jegliche Totenwohnstätten, Pferde, seitliche Grabwandnischen, Stufen.

Die zweite Gruppe der Bestatteten ist gegen den westlichen Bereich des Himmels gewölbes orientiert (14 Grabkomplexe). Die Bestattungen dieser Gruppe enthalten vorwiegend kein Begleitinventar und die übrigen nur sehr wenige Gegenstände. In dieser Gruppe sind die Merkmale der moslemischen Begräbnisrituale eindeutig erkennbar.

Die Grabbeigaben bestätigen den Synkretismus der Kultur der Goldenen Horde, deren autonomer Bestandteil die nomadische bzw. halbnomadische "Version" war. Aus diesem Grabmal lässt sich auf eine einmalige Verflechtung der meisten Tendenzen schließen, die in der Blütezeit der Goldenen Horde vorherrschten. Genannt seien vor allem die Sesshaftwerdung der Nomaden, die besitzmäßige Imparität, friedliches Nebeneinander von Heidentum und Islam in einer Gemeinschaft, ferne Handelsbeziehungen u.a.m.

A.V.Jevglevskij, V.K.Kulbaka (Donezk, Mariupol, Ukraine)

La nécropole au ras du sol Creux de Lapino des temps de la Horde d'Or située dans la partie nord-est du bord de la mer d'Azov

L'article est consacré à une nécropole au ras du sol peu ordinaire datée du milieu du XIV siècle et qui réunit 38 tombeaux. Ce monument archéologique provient des fouilles dans la banlieue de la ville de Mariupol, située dans l'embouchure du fleuve Kalmius qui se jette dans la mer d'Azov.

Le rite funéraire de cette nécropole embrasse deux groupes de morts. Le premier comprend des morts orientés du côté du lever du soleil, dans la majorité de cas (19 de 21) au nord-est. L'enterrement est effectué suivant la tradition payenne, mais le rite est simplifié, c-à-d il n'y a ni cercueil, ni cheval, ni terrasse, ni gradin.

Le deuxième groupe de morts est orienté dans la partie ouest du ciel (14 complexes) à l'ouest par excellence. La majorité écrasante de tombeaux de ce groupe n'a aucun mobilier. Ou il n'est pas nombreux, il faut reconnaître la prédominance des traits du rite musulman.

Le mobilier des tombeaux confirme l'avis de plusieurs chercheurs quant au syncrétisme de la culture de la Horde d'Or dont la "version" nomade ou demi-nomade fait une partie autonome.

Ce monument présente la coexistence de plusieurs tendances de la période de l'épanouissement de la Horde d'Or. Ce sont les traits du début de la vie sédentaire de nomades, l'inégalité de propriété, de la coexistence pacifique du paganisme et de l'islam dans une collectivité, des relations commerciales avec des pays lointains.

Статья поступила в редакцию в феврале 2003 г.